



Лора Бекитт

Ковбойская история

«Литнет»

2026

Бекитт Л.

Ковбойская история / Л. Бекитт — «Литнет», 2026

В конце 19 века американский штат Вайоминг — это безбрежные травяные поля и зубчатые вершины Скалистых гор на горизонте. Пугающее безлюдье и отары овец. Два молодых ковбоя, Арни Янсон и Кларенс Хейвуд, нанимаются на работу на затерянное в горах небольшое ранчо и готовятся провести там зиму. Хозяин соседних богатых владений, Джозеф Иверс, слывет суровым человеком. В его усадьбе живут две девушки, которых молодые люди сперва принимают за сестер. Арни и Кларенс не предполагают, что знакомство с Эвиан и Надин угрожает их давней дружбе и положит начало долгой истории любви и ненависти, предательства и прощения, преступления и наказания. Ибо за все в жизни приходится платить свою цену.

© Бекитт Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	12
Глава четвертая	15
Глава пятая	18
Глава шестая	22
Глава седьмая	25
Глава восьмая	27
Глава девятая	31
Глава десятая	34
Глава одиннадцатая	38
Глава двенадцатая	41
Глава тринадцатая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Глава первая

Кларенс Хейвуд и Арни Янсон с детства были, как говорят, не разлей вода. Без опаски поверяли друг другу нехитрые секреты и охотно делились последним, хотя делиться удавалось нечасто: оба происходили из семей, где было много детей, но мало достатка. Заводилой в их дуэте был Кларенс, он придумывал игры, выбирал, чем заняться, и вспыхивал, словно порох, от всякой новой затеи. Арни казался гораздо рассудительнее и спокойнее. Возможно, они так хорошо себя чувствовали в компании друг друга именно потому, что Арни никогда не оспаривал первенства приятеля и всегда подчинялся его решениям.

Во взрослой жизни их отношения остались прежними: один верховодил, второй с легкостью шел на поводу. Семейство Хейвудов владело крохотным ранчо, едва позволявшим сводить концы с концами, а Арни, когда его мать вторично вышла замуж, был вынужден переселиться в поселок углекопов. Ни тому, ни другому не улыбалось трудиться на какую-нибудь железнодорожную или угольную компанию, как правило, платившую работягам гроши. Потому, когда однажды приятель сказал, что на одном горном пастбище есть занятие для двух не ленивых и смекалистых парней, Арни без лишних слов стал собираться в дорогу.

Стоило ему сообщить об этом матери, как ее лицо изменилось. Хотя солнце по-прежнему золотило ее белокурые волосы, взор словно скрыла тень. После того как ее второй муж без всяких объяснений ушел из семьи, она осталась одна с кучей младших детей. Она рассчитывала на помощь Арни и надеялась, что он найдет работу в поселке, а не отправится на далекое пастбище. Отец Кларенса тоже не обрадовался решению сына, потому как знал, что погоня за риском далеко не всегда есть погоня за счастьем. Однако он молча подошел к стене и снял с него старое ковбойское седло. Это был воистину царский подарок, о каком Кларенс не смел даже мечтать. Он был уверен, что седло получит один из старших братьев. Однако он первым осмелился покинуть родительский дом и не прогадал.

— Если есть седло, рано или поздно появится и лошадь! Надо же с чего-то начинать, — заявил он восхищенному приятелю.

Теперь он упорно тащил тяжеленное седло на себе, и когда Арни предложил помочь с поклажей, коротко и твердо отказался. Пеший путь до ранчо в Скалистых горах оказался нелегким. Холодный ветер рвал хвою с огромных сосен, и ее острые иглы впивались в лицо. Иногда путь преграждали быстрые реки с бурлящими ключьями пены. И все-таки Арни нравилась суровая красота этого края. Кругом было пустынно. В 1880 году Вайоминг считался, пожалуй, одним из самых малонаселенных штатов Америки. На горизонте виднелся сплошной горный барьер, одетый в слепящее серебро снегов, над которым таяли прозрачные облака. Ниже простирались ковры зелени, поражавшей богатством оттенков. Высокое небо казалось неправдоподобно синим. Зимой вдоль восточных склонов Скалистых гор дули теплые и сухие ветры, чинуки, что на языке индейцев сиу означало «пожиратели снега». Они смягчали суровые зимы. Снежный покров после этих ветров становился более тонким, и скот мог добывать под ним корм. Было сложно не влюбиться в этот край, в то, что было доступно взору, слуху и сердцу каждого человека.

Влюбляться в женщину Арни еще не доводилось. Он подозревал, что Кларенсу тоже. Хотя в этом смысле друг любил напустить на себя туману, едва ли у него был какой-то опыт общения с противоположным полом. Оба с детства привыкли к тяжелой работе от зари до темна и полному отсутствию развлечений. Да и женщины в округе были наперечет. Иногда Арни мечтал, как они с Кларенсом женятся на двух сестрах и поселятся на соседних ранчо, словом, никогда не расстанутся. Ему не хотелось думать о том, что они разные люди и у каждого из них свой жизненный путь. Мечта о собственных владениях была вполне понятной, но, увы,

неосуществимой. То же касалось женитьбы: какой безумец отдаст своих дочерей за двух нищих парней?!

Когда решили сделать привал, Кларенс бережно опустил седло на землю и принялся разводить огонь. Они купили в городе полфунта кофе, а еще Арни достал из мешка данный материю в дорогу фаселевый пирог. От пирога шел такой густой, ароматный домашний дух, что Арни захотелось плакать. Он очень любил мать. Несмотря на внешнюю кротость, она обладала силой духа и всегда защищала своих детей. Их было шестеро. Двое от первого мужа, погибшего много лет назад при перегоне скота из Вайоминга в Небраску, четверо — от отчима Арни. Едва ли мать думала, что старший сын выберет долю скитальца. Но на прощание она не промолвила ни слова осуждения, что лишь усиливало как его благодарность, так и чувство вины.

— Думаю, завтра к полудню будем на месте, — сказал Кларенс, прихлебывая обжигающий кофе.

— Скоро стемнеет. Заночуем здесь?

— Пройдем еще немного.

Арни кивнул: слово Кларенса всегда оставалось последним.

— Мы не заблудимся?

— Надеюсь, тропа выведет нас куда надо. Думаю, тот ковбой в салуне знал, что говорил.

Приехав в город, они первым делом зашли в салун. Не для того, чтобы выпить, на это у них не было денег, а чтобы узнать дорогу. Салун был полон незнакомых мужчин. К счастью, первый же человек, к которому они обратились с вопросом, немолодой ковбой с обветренным, коричневым от загара лицом, повел себя довольно приветливо.

— Зачем вам ранчо «Синяя гора»? — спросил он, быстро оглядев их с головы до ног.

— Его хозяин нанял нас на работу.

— Вон оно что! Тогда вам надо идти по старой индейской тропе: она приведет вас к ранчо.

— А как нам найти эту тропу?

— Я покажу.

Они вышли на улицу. Даже здесь, в городе, теплый воздух был напоен запахом сосен. Густая мелкая пыль, поднятая колесами повозок и копытами коней, напоминала мучное облако. Пастбища на склонах гор были похожи на лоскутное одеяло всех оттенков зеленого.

— Меня зовут Саймон, — сказал мужчина. — Я хорошо знаю Уиллиса. Он честный парень и вас не обманет. По соседству с «Синей горой» есть еще одно ранчо, его хозяин, Джозеф Иверс, суровый человек. Если нарушите границы пастбищ, перепутаете скот или в чем-то перейдете ему дорогу, не ждите добра, тем более его люди хорошо вооружены.

Парни удивленно переглянулись, но ничего не сказали. Между тем Саймон задал вопрос:

— А у вас есть оружие?

Кларенс угрюмо молчал, а Арни отрицательно помотал головой. Хотя взгляд собеседника ясно говорил «да вы совсем нищие, ребята!», вслух мужчина сказал другое:

— Что ж, если Уиллис согласился вас взять, он что-нибудь придумает. Совсем без оружия на ранчо нельзя. А сколько вам лет?

Арни не хотелось ни говорить правду, ни лгать, поэтому на сей раз промолчал он, а Кларенс ответил:

— Нам по двадцать три.

Их спутник добродушно усмехнулся.

— Ну-ну!

Показав, откуда начинается тропа, Саймон произнес на прощание несколько ободряющих слов. Арни очень хотелось подробнее расспросить его об Уиллисе, «Синей горе» и грозном Джозефе Иверсе, но он постеснялся. Когда Саймон скрылся из виду, Арни обратился к приятелю:

— Ты знаешь, сколько лет этому Уиллису и что он за человек?

— Нет. Я видел только ковбоя, через которого договорился о работе. Тот уверял, что все будет в порядке: он сам работал у Уиллиса несколько лет, но теперь ушел, потому что женился, а у родственников жены есть свое ранчо.

— А почему он взял нас?

Поняв смысл вопроса, Кларенс пожал плечами.

— Может, никого больше не подвернулось? Не каждый согласится отправиться на зиму в горы!

Хотя у Арни оставалось много вопросов, он не возвращался к этой теме. Пусть Уиллис сам объясняет им, что к чему. В конце концов, пока все складывалось не так уж плохо: они отправились в первое «взрослое» самостоятельное путешествие, их ждали неведомые приключения, борьба с трудностями под стать настоящим мужчинам.

Покончив с ужином и нагрузившись вещами, друзья пошли дальше. Арни поражался удивительной смене красок окружающей природы. По вершинам гор пробежали неуловимые, быстро меняющиеся оттенки розовых, сиреневых, лиловых тонов, казавшихся волшебными, особенно в сочетании с серым камнем, бурыми кустарниками и темной зеленью сосен. Глядя на зияющие провалы, узкие петли реки, нити водопадов и далекие леса, приятели ощущали набранную высоту. Каждый поворот обещал захватывающую панораму, любой обрыв восхищал и пугал. В этом удивительном краю все дышало новизной и щедростью первозданной природы. Чем выше они поднимались, тем больше чудес открывалось их глазам. На фоне оранжевого неба красовался, подобно гордой статуе, великолепный олень. Он стоял как хозяин, как властелин этих мест, не обращая внимания на незваных пришельцев. Над горами, раскинув огромные крылья, парили хищные птицы. Картины менялись со сказочной быстротой, так, как не сдвигались даже декорации на сцене балагана, какой Кларенс и Арни видели в Шайенне.

Друзья остановились на ночлег, лишь когда совсем стемнело. Свет выпавших на небо звезд казался удивительно холодным и острым. Из глубины леса долетал тихий шелест листвы, а огромная белая луна словно покоилась на гребне горы.

— Жаль, что у нас нет ни теплых одеял, ни... вообще ничего, — вздохнул Арни.

— Может, хозяин даст? — не слишком уверенно отозвался Кларенс, и Арни впервые подумал о том, что они, как в сказке, идут туда, сами не зная куда, и ищут неведомо что.

Глава вторая

Утро обожгло холодом и светом. Воздух был прозрачным, лишь вершины гор тонули в облаках. Не сговариваясь, друзья решили не варить кофе, а поскорее тронуться в путь. Им казалось, будто они различают на дальних склонах коровьи тропы, а стало быть, цель близка. Но только к полудню, когда солнце начало припекать, а ноги нестерпимо болели, они разглядели среди иссиня-черной сосновой хвои светло-зеленые озера — обширные горные пастбища. Именно к ним и вела тропа.

Арни невольно остановился и глубоко вздохнул. Безлюдье, тишина. Океан новых красок, запахов, звуков. Мир, который можно вобрать в себя одним вдохом и который без остатка забирает тебя. Арни вдруг почувствовал себя свободным от всего, и от прошлого, и от будущего. Ему почудилось, что он сможет отыскать здесь свое счастье.

— Как думаешь, многие из этих пастбищ принадлежат Уиллису? — спросил Кларенс, возвращая его к реальности.

— Не знаю. Если да, едва ли он нанял бы только нас двоих.

Индийская тропа потерялась. Теперь здесь было столько троп, сколько заблагорассудилось протоптать скоту. Кое-где на скальном грунте не осталось ни травинки — все было выбито копытами.

— И куда теперь идти?

Спросить было явно не у кого. Арни оглядывал ближайшее пастбище, где золотилась на солнце и перекатывалась под ветром трава, когда Кларенс прошептал:

— Смотри!

Навстречу ехала открытая повозка, запряженная двумя мулами. На козлах сидел мужчина, позади — две женщины.

— Доброго дня, сэр! — произнес Кларенс, приподнимая шляпу. — Не подскажете, где тут ранчо «Синяя гора»?

Окинув его внимательным взглядом, мужчина сжал губы и промолчал. Не ожидавший такой реакции Кларенс стоял, растерянно опустив руки. Они с Арни проводили повозку глазами, а потом посмотрели друг на друга.

— И что ты об этом скажешь? — медленно произнес Кларенс.

Арни успел разглядеть пассажиров. Это были две девушки почти одного возраста, но разительно отличавшиеся внешне. Одна черноволосая и темноглазая, другая — русая с голубыми глазами. В их позах было что-то странное: обе сидели, как куклы, не двигаясь, не глядя по сторонам, не проявляя никаких чувств. Одна прислонилась к правому борту повозки, другая — к левому. Середина оставалась пустой.

— Не знаю. Они хотя бы... живые?

— Брось! Призраки и мертвецы не появляются днем, — сказал Кларенс.

И тут Арни осенило.

— Бьюсь об заклад, что это тот самый Джозеф Иверс!

Кларенс облегченно хлопнул себя по бедру.

— Точно! А девушки, наверно, его дочери.

— Они такие разные...

— Я тоже заметил. Тебе какая больше понравилась?

Арни приглянулась черноволосая: она была гораздо красивее второй, хотя ее глаза пугали непонятной глубиной, а лицо было отмечено печатью то ли жесточенности, то ли отчаяния. Вместе с тем светлая чем-то напоминала его мать. Ему казалось, будто она обладает такой же тихой стойкостью. Арни покосился на Кларенса. Хлопчатобумажные штаны плотно облегли его длинные ноги и узкие бедра. Взгляд чуть раскосых темных глаз обжигал и притягивал, как

магнит. Он никогда не казался неуклюжим или неловким, даже когда терялся, не зная, как себя вести.

— Мне больше понравилась темная, — не дождавшись ответа, произнес Кларенс. — Настоящая красавица! Та, что с русыми волосами, выглядит гораздо проще.

У Арни упало сердце, хотя в данном случае этот «выбор» был просто игрой. Многие ковбои мечтают о хозяйских дочерях, но эти образы и грезы почти всегда оказываются обманом.

Через час они отыскивали ранчо Уиллиса. Оно было небольшим, а сам хозяин оказался гораздо старше, чем они думали. Подробно расспросив Кларенса и Арни о том, что они умеют делать и откуда прибыли, он накормил их тушеной говядиной с овощами и пресными лепешками, а потом показал им ранчо.

— На зиму я спускаюсь в долину, — объяснил мистер Уиллис, — но за владениями все же нужен присмотр. Часть скота остается здесь — корма должно хватить. Вы правильно сделали, что пришли по тропе, этот путь намного короче. Но когда отправитесь в город верхом, следуйте по дороге: я покажу, где она начинается. Я давно бы мог отказаться от ранчо — мой сын управляет банком в Шайенне, но меня не отпускают эти края. Впрочем, у меня пошаливает здоровье: может, весной я и продам «Синюю гору».

Он показал новым работникам маленький домик, в котором им предстояло провести зиму. Здесь была крохотная кухонька с печью и кое-какой утварью, кладовая с продуктами и комната с кроватями под лоскутными одеялами и прочей, довольно грубо сколоченной мебелью. В жилище Уиллиса, как в домах многих других работавших на пастбищах мужчин, пахло керосином, потом, навозом и табаком. На некрашеном полу валялась седельная сумка, несколько пар рваных сапог, а на бревенчатых стенах были прилеплены выцветшие календари с изображением лошадей, старые афиши и пожелтевшие вырезки из газет о собраниях Ассоциации скотоводов Вайоминга. На гвоздях висели фонарь, потрепанная куртка, замызганное полотенце и маленькое зеркало. Умывальник был во дворе, у внешней стены дома. Позади жилого строения располагалось несколько сараев, загонов для скота и конюшня.

— Если понадобится подковать лошадь, обратитесь к соседу, Джозефу Иверсу. Я с ним договарюсь. У него есть и кузница, и хороший кузнец. Главное — объезжайте границы ранчо и вовремя чините ограду, чтобы скот как можно меньше смешивался. Иверс рачительный хозяин и не терпит беспорядка. Оружие у вас имеется?

Приятель вздохнули.

— Нет.

— Что ж, держите. У меня есть только один, так что не обессудьте, — промолвил хозяин, протягивая кольт.

Кларенс схватил оружие и с восторгом взвесил его на ладони, забыв поблагодарить хозяина. А Арни почувствовал себя так, будто его обделили рождественским подарком. Позднее Кларенс, видимо, что-то почувствовав, сказал:

— Будем пользоваться им по очереди.

И все-таки этот миг маленького триумфа принадлежал именно ему.

— Если продержитесь зиму и не принесете мне убытков, получите по пятнадцать долларов, — пообещал хозяин. — Ну и само собой оставлю вам деньги на продукты. При известной экономии вам вполне хватит.

Друзья просияли: в зимнее время многие ковбои и вовсе работали за еду и крышу над головой.

— И вот что еще, — добавил Уиллис, — если найду на ранчо хоть одну бутылку из-под виски или пива, пеняйте на себя.

— Мы вовсе не... — начал было Кларенс, но хозяин остановил его решительным жестом.

— Кажется, мы видели мистера Иверса, — сам не зная зачем, произнес Арни. — С ним были две девушки. Темноволосая и русая.

Уиллис кивнул.

— Эвиан и Надин. — Кларенс и Арни переглянулись. Вот это имена: не какие-нибудь там Мери или Сара! А хозяин добавил: — Вот что, парни, не вздумайте не только заговаривать с ними, а даже смотреть в их сторону.

— А почему? — любопытствовал Кларенс и получил ответ:

— Целее будете.

Остаток дня Уиллис объяснял, что к чему, а потом заявил, что рано утром покинет ранчо. Располагаясь на ночлег, Арни размышлял о том, что, пожалуй, им с Кларенсом придется не так легко, как они ожидали. А на уме у приятеля, как выяснилось, было совсем другое.

— Мне кажется, Надин — темноволосая, — пробормотал он, укрываясь одеялом.

— Почему?

— Ей больше подходит это имя.

Арни хотел сказать, что едва ли есть смысл рассуждать об этих странных девушках, поскольку мистер Иверс с его винчестером наверняка стережет своих дочерей, как скупой золото. Но решив, что ничто не мешает им болтать о них ради развлечения, промолчал.

Уиллис поднял их, когда восток только начал розоветь, и Арни сразу вспомнил поговорку: «Ковбой первым встречает солнце». Горы были отрезаны от неба черной чертой, а пастбища напоминали мятый холст. Пока Арни и Кларенс обходили загоны, выслушивая последние наставления, кто-то неведомый медленно поднимал над миром гигантскую лампу. Сперва свет разбудил жаворонков, потом залил деревья, сделав листья прозрачными, а последней позолотил овечью шерсть.

Итак, они остались на ранчо «Синяя гора». Два ковбоя. Коровы и овцы. Две лошади и четыре собаки. Работа была нелегкой, но им она нравилась. Нравилось смотреть, как блеющие овцы бегут, подобно пенящейся реке, в которую то и дело вливаются новые ручейки, нравился залихватский лай овчарок, разносившийся эхом по склонам, нравилось скакать на лошади с кнутом в руке.

По вечерам, если не сразу валила усталость, они разговаривали о чем придется. Вспоминали детство, родителей и дом, куда реже рассуждали о будущем. Иногда речь заходила о девушках, а поскольку поблизости не было других женщин, кроме сестер Иверс, они говорили именно о них. Им доводилось встречать парней, работавших на соседнем ранчо, но те вели себя мирно. Большинство даже здоровалось коротким кивком.

А потом Кларенсу и Арни понадобилось подковать одну из лошадей. Ни один из них не хотел ехать к Иверсу, и они кинули жребий. Арни ничуть не удивился, когда сомнительная честь посетить соседские владения выпала именно ему.

— Надеюсь, этот Иверс не пристрелит меня и не затравит собаками! — угрюмо произнес он, вставляя ногу в стремя.

— Давай я поеду! — предложил Кларенс.

— Нет. Жребий есть жребий.

Облака медленно плыли в неизвестность. Поздние цветы горели на солнце, а трава блестела, как лакированная, но Арни ехал, не видя дороги. Он размышлял, что сказать и как быть. А если его проведут прямо к хозяину? А если он тут же его прогонит? Арни редко встречал настоящего злых людей, еще реже — людей непонятных. Он привык к тому, что человеческие поступки всегда можно объяснить.

Выстроенный из пиленого леса дом Джозефа Иверса имел широкую веранду и был окружен высокими соснами, защищавшими строение от ветра и солнца. Поодаль располагались длинные низкие бараки, в которых, как позже узнал Арни, жили ковбои. На ранчо была и сыроварня, и маслобойня, и конюшня, и хранилище для корнеплодов.

Появление Арни не вызвало удивления. Один из работников спросил, что ему надобно, а после без лишних слов провел на конюшню. Когда лошадь подковали, Арни, пробормотав

слова благодарности, поспешил к воротам. А потом, внезапно оглянувшись, увидел девушку, которую, как он теперь думал, звали Эвиан. Она стояла на крыльце, одетая как обычно одеваются женщины в этих краях — в наглухо застегнутую блузку с высоким воротом и узкую юбку с кожаным поясом. Ее собранные в скромную прическу русые волосы отливали шелком, светлые глаза блестели, как осколки стекла. Юноше почудилось, будто поза девушки выражает тревожное ожидание, и он с трудом удержался, чтобы не помахать ей рукой. А потом вспомнил не столько о Джозефе Иверсе, сколько о том, что он, Арни Янсон, — один из многих неуклюжих, плохо одетых, неотесанных ковбоев, которых она привыкла видеть на ранчо.

На самом деле он выделялся правильными чертами лица и природной осанкой. У него были густые светлые волосы и ясные голубые глаза. Арни Янсон получил все это от северных родичей, тогда как Кларенс был обязан своей привлекательностью капельке крови индейцев сиу.

Вернувшись обратно, он не стал говорить приятелю о девушке. Что толку, если рядом с сестрами вечно маячит тень их отца? Арни лишь сказал, что все сошло благополучно, он не видел хозяина, однако лошадь подковали, а также подробно описал размеры и расположение ранчо.

— Знаешь, как оно называется? — со смехом произнес он. — «Райская страна»!

Кларенс прикусил губу, и на мгновение его глаза стали совсем черными.

— Такие названия не даются просто так. Что-то тут нечисто.

— Ты имеешь в виду, в плохом смысле?

— Конечно. Нам не нужно там появляться. Это вовсе не «Райская страна», а нечто совсем другое.

Хотя Арни был далек от подобных суеверий, он согласился с мнением Кларенса. Следующую неделю они проработали, не вспоминая о Джозефе Иверсе.

А потом Кларенс встретил в лесу вторую девушку.

Глава третья

Воздух был прохладным и слегка сладковатым на вкус. Хвоя растущих у подножия гор корабельных сосен имела чистейший малахитовый оттенок. В это пасмурное утро скалистые вершины приобрели цвет индиго, что объясняло название ранчо — «Синяя гора». Рассветную тишь прорезало протяжное мычание коров и нестройное блеяние овец. Ветер пригибал траву, и друзья чувствовали, что холода уже близко. Так всегда бывает: в природе появляется нечто неуловимое, и свет, и запах воздуха становятся иными. Чутьочку резче и немного печальнее.

Вечером они не досчитались теленка, и сейчас Кларенс отправился его искать. Он бродил по окрестному лесу, выглядывая следы копыт, пока, сам того не заметив, не заплутал, а потом наткнулся на ручей, которого они с Арни еще не видели. Небольшой поток словно струился из недр горы, и его пронзительно-холодная вода была удивительно прозрачной и вкусной. Напившись, Кларенс пошел вдоль ручья, надеясь куда-нибудь выйти. Он жалел, что не взял с собой одну из собак и досадовал, что впустую тратит время. Конечно, им с Арни недоставало опыта. Иной раз они ломали голову над тем, как вылечить внезапно заболевшее животное, в другой — как одновременно выполнить с десятка необходимых работ. Часто у них не хватало времени приготовить ужин, а, случалось, они засыпали, сидя верхом на лошади. Но они никогда не жаловались друг другу и, как могли, старались уверить себя, что им нравится такая тяжелая, примитивная жизнь.

Кларенс быстро понял, что напал на оленью тропу и что олени прошли здесь совсем недавно: четкие следы имели острые края. Кора на деревьях во многих местах была ободрана; стволы пестрели белыми отметинами. Он не сразу обратил внимание на движение в кустах по другую сторону ручья. Встрепенувшись, юноша протянул руку к оружию, а потом застыл как вкопанный. Это было не животное, а... девушка. Одна из двух дочерей мистера Иверса, та самая красавица с темными глазами и черными, как ночь, волосами. Она смотрела на него нерешительным, вопрошающим взглядом, будто хотела узнать, как он здесь очутился и что ему нужно. Вблизи она показалась Кларенсу еще красивее, но он был готов побиться об заклад, что эта девушка родилась и выросла не на ранчо. По каким-то неуловимым признакам он угадал в ней горожанку, и это было странно, потому что ее сестра выглядела типичной сельской жительницей. Она была напугана: то ли неожиданной встречей с ним, то ли чем-то еще. Это было заметно по напряженному выражению ее лица, бледным щекам и расширенным зрачкам. Когда девушка бросилась бежать, Кларенс, не раздумывая, пересек ручей и помчался за ней, перепрыгивая через камни и ломая кусты.

— Мисс Иверс! Не бойтесь! Я вас не обижу!

Девушка остановилась. Тяжело дыша, явно готовая вновь сорваться с места, она ждала, что он скажет, и Кларенс быстро произнес:

— Мы с другом работаем на мистера Уиллиса, хозяина соседнего ранчо. Я видел вас, правда, всего лишь однажды. И знаю, кто вы. Сейчас я искал теленка, но неожиданно заплутал. А вы тоже заблудились?

Она внимательно смотрела на него, и Кларенс представил, что видит девушка. Его неумело подстриженные волосы, поношенную куртку с продранными локтями, грязные штаны, рубаху, на которой не хватало пуговиц, мозолистые руки. И ему впервые в жизни стало стыдно за это. Пауза затянулась. Вспомнив о том, каким истуканом сидела она рядом с сестрой, Кларенс был готов усомниться в том, эта странная особа умеет говорить, поэтому вздрогнул, услышав ее негромкий голос:

— Нет, я не заблудилась. Прошу, не ходите за мной!

— Как скажете, мисс Надин! — ответил он, решив проявить немного дерзости.

В ее лице появилась неприкрытая неприязнь.

— С чего вы взяли, что меня зовут Надин?

Кларенс понял свою промашку.

— Так вы мисс Эвиан? Простите, я...

— Не говорите о том, что видели меня здесь, — перебила она.

— Мистеру Иверсу? Вашему отцу?

Глаза Эвиан блеснули, отражая свет, и в них вдруг появилась некая пугающая глубина. Глядя в них, Кларенс словно стоял над пропастью, неумолимо манившей его вниз. «Это не «Райская страна», это... это... ад!» — продолжил он недавнюю мысль. Во рту у Кларенса пересохло, в ушах зазвенело. В это мгновение он вдруг перестал осознавать, где находится. Он снова сказал что-то не то, допустил непростительную ошибку. Кларенс видел, каких сил стоило Эвиан взять себя в руки, но она справилась.

— Вообще никому.

— Я не скажу. Вы правда не хотите, чтобы я вас проводил? — спросил он, заранее зная ответ.

Эвиан покачала головой.

Кларенс, как и собирался, пошел вдоль ручья и всю дорогу думал о ее бледной коже, о нежных губах, о тонкой шее, плотно обхваченной воротничком скромной блузки. К тому времени, как молодой человек вышел к «Синей горе», ему было ясно, что отныне он не изведает ни минуты покоя. Когда он встретился с Арни, тот радостно сообщил, что нашел теленка на соседнем пастбище, но Кларенсу было не до животных. Он бы сказал, совсем ни до чего, ибо перед его глазами до сих пор стояла Эвиан. В те мгновения в лесу в его душу и сердце вошло то, что навсегда меняет человека.

Прежде Кларенс не мечтал о любви. Он вообще не верил в то, что она может настичь внезапно, ни с того ни с сего. Все, что до сей поры его окружало, имело чисто практическое значение. Он знал, что мужчина сходится с женщиной, чтобы получить частичку уюта, подмогу в работе и, быть может, толику удовольствия. А еще потому, что так принято. Из тех же соображений люди обзаводятся детьми. Кларенсу и в голову не приходило, что когда-нибудь он захочет проникнуть в святая святых другого человека, в его душу, память и чувства. Особенно, если этот человек — женщина. Он не знал, как рассказать об этом Арни и говорить ли вообще. Тем более ему было трудно подобрать подходящие слова. Но, заметив нечто необычное, друг сам спросил:

— Что стряслось?

Обычно они начинали собираться домой, когда солнце окрашивало верхушки гор в оранжевый цвет, а возвращались, когда на землю опускалась тьма, но сегодня Арни обнаружил, что Кларенс появился на ранчо значительно раньше. Мечтавший о воистину упоительном глотке крепкого и сладкого чая, Арни увидел, что чайник согрет, бекон поджарен, а нарезанный толстыми ломтями хлеб лежит на большой деревянной тарелке. Обойдя дом, он нашел обнаженного Кларенса с ковшом и мочалкой в руках возле бочки с водой. Тот словно пытался содрать с себя кожу.

— Ты что это делаешь?

— Пытаюсь смыть с себя овечий запах.

Арни покачал головой.

— По-моему, ты уже чистый. Я очень хочу есть. После помоюсь. Пойдем.

— Ты умеешь зашивать дыры? — спросил Кларенс, беспомощно разглядывая рубаху, когда они очутились в доме.

— Я могу попробовать.

— Как думаешь, если кто-то из нас поедет в город за продуктами, нельзя ли потратить часть денег на новую одежду?

— Почему нет? — сказал Арни, опустив глаза на свои прохудившиеся сапоги.

— Тогда так и сделаем, — решил Кларенс и продолжил: — Мне-то, конечно, все равно, в чем ходить, но, полагаю, женщине небезразлично, как одет мужчина.

— Женщине? — удивился Арни и именно тогда произнес: — Что стряслось?

— Между прочим, я ошибся, — сказал Кларенс, не отвечая на вопрос. — Это «твою» девушку зовут Надин, а «мою» — Эвиан.

Он рассказал другу о сегодняшней встрече.

— Она куда-то спешила. Скажи, куда можно бежать... в лесу?

— Быть может, она что-то искала?

— Нет, у нее была определенная цель пути: я сразу это понял. — Кларенс подпер щеку рукой. На его лицо падал отсвет огня, придавая коже медный оттенок и делая глаза похожими на тлеющие угли. — Знаешь, я бы хотел снова встретиться с ней.

— Ты же говорил, нам не надо... — Арни опешил. — Я думал, разговоры об этих девушках просто шутка!

— Мне тоже так казалось, но сегодня я увидел, вернее, почувствовал, что с мисс Эвиан что-то неладно. Она будто от кого-то прячется или что-то скрывает. Возможно, ей нужна помощь?

— Чем же ты ей поможешь? Потом она не одинока. У нее есть папаша и сестра.

— А если они не ладят с сестрой? Помнишь, какими мы их увидели в первый раз!

— Не думаю, что вторая девушка могла ее чем-то обидеть, — сказал Арни, невольно обижаясь за «свою» Надин.

— Мы ничего о них не знаем, — заметил Кларенс, на что друг рассудительно произнес:

— Мне кажется, нам не стоит лезть в их жизнь. К тому же, возможно, все это тебе только показалось. Мы здесь едва появились, а Иверсы живут давным-давно. Мы и представить себе не можем, куда они ходят и какие у них дела.

В этом Арни, как выяснилось позднее, оказался прав.

Глава четвертая

Прошло несколько дней, и ветер сменился. Полил наводящий уныние дождь. Повисшие над горами тучи напоминали огромные черные блюдца, мокрые темные сосны раскинули свои ветви, как зловещие крылья. Кларенс и Арни возвращались домой промокшие и продрогшие, буквально шатаясь в седле. Одежда и обувь не просыхали до утра. Теперь им казалось, будто все вокруг пропахло мокрой овцой и псиной. Работы прибавилось. Надо было успевать чинить поваленные ветром ограды, между тем становилось все труднее поднять себя с постели холодным и хмурым утром.

Однажды парень с соседнего ранчо, встретив Арни, поинтересовался:

— Как справляетесь, ребята?

— Ничего, — ответил Арни, на минутку придерживая коня.

— Не собираетесь за продуктами? Запасите как можно больше до холодов и снегопада.

— Надо бы...

— Завтра мы отправляемся в город с повозкой. Можем захватить одного из вас.

— А хозяин не рассердится?

— Нет. Мистер Уиллис говорил с ним об этом.

— Ладно, а когда подъехать?

Договорившись, они расстались. Нового знакомого звали Билл, и он показался Арни добродушным и бесхитростным парнем. У молодого человека мелькнуло желание в угоду Кларенсу спросить Билла про Эвиан, но он быстро передумал. Кто знает, вдруг этот ковбой — доверенное лицо Джозефа Иверса! В таких делах следует соблюдать осторожность.

На сей раз обошлось без жеребьевки. Поскольку с Биллом разговаривал Арни, именно он и поехал в город. Накануне они с Кларенсом составили список вещей и продуктов.

— А пиво и виски? — спросил напоследок Кларенс.

— Так ведь мистер Уиллис говорил...

— Ладно, — вздохнул Кларенс, — забудем. Может, он поручил этим чертовым парням из «Райской страны» проследить, что мы будем покупать!

Утро выдалось на удивление теплым и ясным. Арни ехал по лугу, остро ощущая и веселую суету ближнего мира, и тяжелое молчание далеких гор. В такие минуты он воспринимал жизнь как данность, которую невозможно изменить. Хотя от этого она отнюдь не становится хуже, а окружающий мир казался незамысловатым, простым и вместе с тем удивительно многообразным. Потрепав лошадь по гриве, Арни быстро спешился, сорвал цветок и уже в седле, обрывая лепестки, загадал: пусть сегодня произойдет нечто необычное, то, что определит его дальнейшую жизнь. Таким образом он на свой лад обратился к Богу.

Когда Арни подъехал к «Райской стране», его настроение испортилось. Ковбойское снаряжение людей Иверса было новеньким, оружие — дорогим. На их фоне Арни Янсон выглядел оборванцем, к тому же кольт Уиллиса ему пришлось оставить Кларенсу.

Из дома вышел Джозеф Иверс. На нем была городская одежда — рубаша с целлулоидным воротничком, брюки, жилет, пиджак и котелок. Арни впервые разглядел его довольно неприятное, хищное и жесткое лицо. Арни робко поздоровался с хозяином, и тот вновь не удостоил его даже взглядом. Отдав своим людям несколько отрывистых приказаний, он сел в повозку. Найдя среди ковбоев Билла, Арни подъехал к нему и в этот миг увидел, как из ворот выскользнула девушка, «его» Надин. Подобрав юбки, она забралась в повозку и устроилась рядом с отцом. Сердце Арни подпрыгнуло. На сей раз на девушке были шляпка, перчатки и вязаная шаль с кистями — то, что необходимо каждой порядочной женщине для выхода в общество.

Арни ожидал, что вот-вот появится ее сестра, но этого не произошло: повозка тронулась, а следом потекла толпа ковбоев. Они ехали в два ряда, стройно, широким шагом, как в армии,

без разговоров, прикрывая лица от пыли и ветра шляпами и шейными платками. К счастью, никто глазел на Арни, не тыкал в него пальцем: «Эй ты, оборванец!» Эти люди знали, что судьба сильнее человека и над ней не стоит смеяться. Каждый живет, как может или как велел Бог. И все же на всякий случай Арни пристроился в хвосте: подальше от глаз мистера Иверса. Юношу вновь поразило, сколько же у него людей, и он прикинул, каковы в этом случае размеры владений соседа.

Как и говорил Уиллис, эта дорога оказалась гораздо длиннее индейской тропы, зато по ней можно было проехать на лошадях. На ночлег расположились на берегу речки. Расседлав и напоив коней, разбив палатку для мисс Иверс, ковбои развели костер и устроились вокруг него. Кто-то принялся готовить ужин, кто-то вынул губную гармошку. Надин скрылась в палатке и не показывалась. Ее отца тоже не было видно. Что-то, а дистанцию он соблюдал отменно. Это и нравилось, и не нравилось Арни. С одной стороны, он уважал тех, кто умеет ставить других на место, с другой — его всегда привлекали простые, незаносчивые люди. И еще... Почему мисс Надин поехала в город, а мисс Эвиан — нет? Куда она спешила, когда неожиданно встретила Кларенса? Неужели сестры и впрямь не ладят? Кстати, а где миссис Иверс?

— Иди сюда, — сказал Билл, видя, что Арни не решается присоединиться к остальным, — тут хватит и места, и еды.

Опустошив миску тушеной баранины с густой острой подливкой и получив глоток виски, молодой человек запретил себе думать о всякой ерунде. Его взяли с собой и даже накормили. Остальное его не касалось. Угли раскалились докрасна, внутри костра образовался толстый слой белого пепла. Рассевшиеся вокруг огня ковбои, очевидно, с разрешения хозяина, передавали друг другу бутылку с виски. Когда она попадала в руки Арни, он тоже делал глоток. Хотя он не принимал участия в беседе, его охватило непередаваемое, почти блаженное чувство товарищества. А потом он вспомнил о Кларенсе, которому пришлось в одиночку управляться со стадом, а потом возвращаться в холодный дом, и ему стало стыдно, как будто он получил нечто незаслуженное. Тем более, когда для ночлега ему дали две новые чистые попоны.

Когда Арни проснулся утром, в котле уже булькала овсянка, а на вертеле жарились сосиски. Молодой человек желал принять какое-то участие в работе, хотя, казалось, никто не ждал от него помощи. Его просто взяли с собой, не рассчитывая на его услуги. Тем не менее, он повел нескольких лошадей к реке, думая о том, что неплохо бы сполоснуться и самому.

Река была мелкой, но бурной. Пенный поток с ревом катился по камням, волоча за собой бурую листву и сучья деревьев. Местами берег был каменистым и скользким, хотя, по-видимому, это не пугало присевшую на корточки девушку. Склонившись над речкой, Надин Иверс опускала руки в прыгающие струи и, словно забавляясь, плескала воду себе в лицо. Сейчас на ней не было ни шляпки, ни шали. Ее волосы были небрежно сколоты на затылке, так что из узла выбилось несколько светлых прядей. Арни поразились гибкости ее талии и изяществу движений. Он замер, не смея ее тревожить, и стоял так до тех пор, пока одна из лошадей не заржала. Надин обернулась, и он увидел ее глаза, похожие на капли утренней росы, мягкий изгиб губ и... округлости груди, туго обтянутых блузкой. Арни и сам не знал, отчего кровь бросилась ему в голову, будто Надин была первой девушкой, представшей его взору, почему его охватило предвкушение чего-то неиспытанного, необычного? Ему хотелось с ней заговорить, но он будто растерял все слова. Голова казалась совершенно пустой, и только сердце билось неровными толчками.

— Простите, я... я помешал вам, мисс, — пробормотал юноша.

— Вовсе нет. Поите своих коней, — ответила девушка без малейшей неловкости и испуга.

У нее был приятный голос, и она явно не страдала косноязычием. Арни видел, как она быстро оглядела его, и ему показалось, будто в ее глазах вспыхнула искорка любопытства. Он мучительно покраснел, а Надин пошла прочь от реки, на ходу поправляя прическу и бессозна-

тельно покачивая бедрами. Когда край ее юбки зацепился за ветку, взору Арни на мгновение открылись шнурованные сапожки и низ заправленных в них хлопковых бриджей. Последнее говорило о том, что она умеет ездить в мужском седле, и это невольно вызывало уважение. Конечно, Арни не мог спросить, что она собирается делать в городе, почему ее сестра осталась дома и где их мать. Он лишь радовался тому, что снова увидит ее на обратном пути.

Глава пятая

Хотя жители Вайоминга и гордились своей столицей, в те времена Шайенн напоминал большую деревню. Смотреть тут было особо не на что. Двухэтажные дома с навесами от солнца по обеим сторонам дороги, спокойно переходящие улицу коровы, флагшток с линиялым флагом перед зданием муниципалитета и шикарная по местным меркам гостиница под названием «Метрополь».

Иверс сказал, что у них три часа времени, и ковбои разбрелись кто куда. Иные отправились выполнять хозяйские поручения, у других появилась возможность развлечься. Арни нащупал за поясом потертый кисет из коровьей кожи, в котором хранились деньги, оставленные мистером Уиллисом. В Шайенне был престижный мужской клуб, куда ковбоям не было ходу, и множество дешевых заведений с набором сомнительных, зато доступных удовольствий.

Для начала Арни отправился в лавку за продуктами и одеждой. На тротуаре стояла вереница привязанных к железным перекладинам лошадей и мулов. Ковбои толпились у лавки и в лавке, громко разговаривая, жуя табак и сплевывая прямо себе под ноги. Войдя внутрь, Арни принялся прикидывать, что он сможет купить. Одежду, пусть новую, но без сомнения дешевую и грубую, и самые необходимые продукты: муку, сахар, кофе, фасоль и бекон. Пол в лавке был покрыт опилками, окна давным-давно никто не мыл. Товар или хранился на полках, или был затолкан в большие лари. Провозившись с покупками дольше, чем хотелось, Арни почувствовал, что проголодался. Он решил войти в один из салунов и спросить какое-нибудь простое блюдо, вроде похлебки с требухой.

Он шел по улице с конем в поводу и мешком за спиной, и солнце согревало его лицо. Откуда-то доносились стук молотка, визг пилы, скрип колес, собачий лай. Дорога тянулась вдаль натянутой струной, по тротуарам спешили незнакомые люди. Внезапно Арни вспомнил мать, ее взгляд, проворные движения рук, когда она заворачивала ему пирог, и его посетило жгучее чувство утраты. С чем он явится к ней и когда? Она оберегала и успокаивала его, когда он был маленьким. Пыталась защитить от нападок отчима. Сможет он когда-нибудь вернуть ей этот долг?

Когда юноша входил в уже знакомый салун, его окликнул какой-то человек:

— Эй, парень, это не вы с приятелем спрашивали дорогу к ранчо «Синяя гора»?

Обернувшись, Арни узнал Саймона.

— Да, это были мы.

— И как ваши дела?

— Хорошо. Мистер Уиллис принял нас на работу.

— А здесь ты зачем?

— Приехал за продуктами и одеждой. Мой друг остался дома, — ответил Арни и, подумав, добавил: — Мистер Иверс взял меня с собой.

— Вот как? Значит, вы с нимладили?

Арни пожал плечами.

— Ни да, ни нет. Обо всем договаривался хозяин. А мистер Иверс еще не сказал нам ни слова.

— Да, он сложный человек.

— Вы его хорошо знаете?

Во взгляде Саймона не было ничего необычного, но его голос звучал настороженно:

— Не то чтобы очень, но знаю.

— Раньше он жил в Шайенне?

— Пойдем внутрь, — сказал Саймон. — Ты же собирался в салун?

Они вошли в насквозь прокуренное помещение, где сидело с десяток мужчин. Кивнув завсегдатаям, Саймон занял столик в углу. Сбросив на пол мешок, его молодой спутник отряхнул одежду, взметнув клубы пыли, но в заведении, где слыхом не слыхивали ни о скатертях, ни о салфетках, это не вызвало никаких замечаний. Видя, что Арни заказывает только похлебку, Саймон сказал:

— Парню, живущему по соседству с Иверсом, не помешает выпить пива. — А заметив, что Арни замешкался, добавил: — Я тебя угощу.

— Я не... — начал было юноша, но Саймон перебил:

— Все в порядке. — После чего спросил: — Так что ты хочешь узнать о Железном Джо?

— Как вы сказали? — изумился Арни.

— Так его называли до того, как он сделался богатым ранчеро. Железный Джо из Вайоминга. У него и впрямь все было стальным — и мускулы, и здоровье, и хватка, да и сердце тоже. Было, да, полагаю, и осталось.

Принесли пиво, и Саймон пододвинул Арни стакан.

— Пей.

— И чем он занимался? — спросил молодой человек, пригубив напиток и уже догадываясь о том, что услышит.

— Грабил и убивал. Многие хорошо помнят его банду. Потом Железный Джо неожиданно исчез. Ходили слухи, что его подстрелили, но после он вдруг объявился уже в качестве богатого землевладельца. Вскоре женился на дочери крупного скотовода и преумножил свое состояние.

— И его не схватили и не посадили в тюрьму?

— Да ты что, парень! Кто же тронет человека с такими деньгами? Он подкупил кого только можно! И, говорят, подарил много денег городу. За что губернатор обещал ему защиту и прощение прежних грехов.

— Мистер Уиллис ни о чем таком нам не рассказывал, — пробормотал Арни.

— Об этом не принято вспоминать. Как говорится, бывшее поросло быльем, — кивнул Саймон.

— Мне показалось, они чуть ли не приятели.

— Не думаю. Просто Иверс не такой дурак, чтобы ссориться с отцом управляющего местным банком.

Значит, Эвиан и Надин дочери бывшего бандита. Ну и ну! Уиллис был сто раз прав, велел им держаться подальше от этих девушек!

— Одна из дочерей мистера Иверса приехала с нами в Шайенн, — невпопад произнес Арни.

— Одна из?.. — Саймон склонил голову набок. — Вообще-то у Железного Джо *только* одна дочь.

— Мисс Надин?

— Да.

— А кто тогда мисс Эвиан? — спросил Арни с нарастающей тревогой.

— Догадайся.

— Племянница?

— Нет.

— Я не понимаю.

Саймон откинулся на спинку стула.

— Пораскинь мозгами, парень!

Арни замер, а после в его мозгу будто вспыхнула молния, и он ощутил почти физическую боль от прорезавшей его мысли.

— Неужели... жена?!

— Жена. Вторая.

— А где первая?

— Известно где. Умерла.

— Но мисс Эвиан годится ему в дочери!

— Ну и что? Разве это когда-то являлось препятствием для брака?

Перед Арни остывала похлебка. Почему-то у него пропал весь аппетит.

— Мой друг случайно встретил ее в лесу. Она... она показалась ему растерянной и несчастной, — признался он.

— Неудивительно. Не очень красивая вышла история.

Арни посмотрел на него с горечью и одновременно с надеждой.

— Вы знаете, что случилось?

— Знаю.

Молодой человек затаил дыхание.

— Расскажите?

Допив пиво, Саймон сказал:

— Если хочешь. Я вижу, тебе это небезразлично. Ответь, почему?

Решив, что нет смысла таиться, Арни признался:

— Мисс Эвиан приглянулась моему другу.

— Ясно. Тогда предупреди его, чтобы он выкинул эти мысли, иначе Иверс прострелит ему голову. Да и тебе заодно.

Арни кивнул. Разумеется, Саймон был прав. Однако он не знал Кларенса, который всегда и во всем шел до конца, не задумываясь о последствиях. Арни мог планировать будущее, но Кларенс никогда этого не умел. Он просто делал то, что хотел. Удивительно, что при этом именно его слово всегда оказывалось главным! Вероятно, это происходило потому, что он не слишком долго взвешивал свои решения и не боялся их принимать.

— Так что это за история?

— Ты ешь, — Саймон кивнул на миску с похлебкой, — подогревать никто не будет. И другой не подадут. — Потом начал рассказывать: — Мисс Эвиан жила здесь, в Шайенне, вместе со своей матерью, вдовой. Ходили слухи, в свое время Железный Джо подкатывал еще к мамаше, но получил отставку. А после смерти своей первой жены пожелал дочку этой женщины. Конечно, ему отказали. И вскоре произошел странный случай. На мисс Эвиан напали, когда она возвращалась домой. Двое мужчин, их лица были завязаны платками. Девушку нашли плачущей, в разорванной одежде: таким образом ее репутация была погублена, хотя мисс Эвиан утверждала, что эти парни всего лишь порвали на ней платье. Не нашлось никого, кто спас бы ее честь, женившись на ней. С матерью мисс Эвиан случился удар, и она умерла. Решать судьбу девушки пришлось каким-то дальним родственникам, и поскольку она была бедна, они не пожелали взять ее к себе. Она работала в швейной мастерской, но и оттуда ее прогнали. Стало быть, ее ждал бордель. Именно тогда на горизонте появился Джозеф Иверс, вдовец и богатый ранчиро. Он сделал родне мисс Эвиан предложение, от которого они не могли отказаться.

— А сама мисс Эвиан?

— Ее никто не спрашивал. Можно сказать, ее выдали замуж против воли. Накануне венчания ее сняли с поезда — она собиралась уехать из города. Говорят, она пыталась сбежать и из «Райской страны», но ее всякий раз ловили и возвращали обратно.

— А те парни, что на нее напали? Их нашли?

— Их искали, но они как в воду канули. Наверняка сели в поезд и укатали неведомо куда. Должно быть, им хорошо заплатили.

— А если все это устроил...

— Такая мысль приходила в голову не только тебе, — перебил Саймон, — только не стоит говорить об этом вслух.

— Какие у нее отношения с мисс Надин? Нам показалось, они не ладят.

— Не думаю, что дочь Иверса пришла в восторг от молодой мачехи.

— Мой друг встретил мисс Эвиан в лесу. Она куда-то спешила. Неужели снова пыталась сбежать?

— Вряд ли. Может, она шла к Зане?

— Кто такая Зана?

— Старая индианка. Она живет в лесной хижине недалеко от «Синей горы». Другие индейцы давно ушли, а она осталась. Вроде так ей написано на роду.

— Как же она живет?

— Кажется, у нее есть оружие, и она охотится. А еще говорят, она знахарка, разбирается в индейских талисманах и может предсказывать будущее.

— Зачем мисс Эвиан ходит к Зане?

— Этого я не знаю. Возможно, старуха ей чем-то помогает? У Джо, как я слышал, тоже особые отношения с этой индианкой. Зана вроде как спасла ему жизнь, и за это он обязался охранять ее лес.

Арни удивленно покосился на Саймона, но больше ни о чем не спросил. Сегодня ему без того пришлось услышать слишком много неожиданного.

— Только ты не болтай обо всем этом, парень, — добавил мужчина. — Я просто хотел тебя предостеречь.

Поблагодарив Саймона и забрав свой мешок, Арни вышел на улицу, слегка пошатываясь, но не от пива, а потому что его буквально подкосило услышанное. Как рассказать об этом Кларенсу? Какими глазами смотреть на мисс Надин и этого Железного Джо?! Молодой человек решил замешаться в толпе ковбоев и держаться подальше от Иверса и его дочери. Но судьба распорядилась иначе.

Глава шестая

Поскольку повозка оказалась нагруженной доверху, в обратный путь Надин и ее отец пустились верхом на запасных лошадях. Арни с невольным удовольствием наблюдал за неприуженной посадкой девушки. Вместе с тем ему не давали покоя вопросы. Знала ли она историю своей юной мачехи? И было ли ей известно о прошлом отца? Лиственный лес полыхал оранжево-желтым пожаром. Арни нравилось думать, что это море, безбрежное спокойное море, озаренное золотым солнцем. Исчезавший вдаль Шайенн выглядел ненастоящим: темные дома казались вырезанными из бумаги и наклеенными на прозрачную ткань воздуха.

Они ехали около часа, когда из кустов можжевельника внезапно выбежал олень. Мысль о сочном жарком мгновенно взбудоражила мужчин, и они, не стовариваясь, бросились в погоню, на ходу доставая винтовки из седельных сумок. Арни не собирался преследовать оленя, тем более у него не было оружия. Однако он с удивлением заметил, что Надин тоже пустила коня вскачь. Или она просто не справилась с ним? На этом участке дороги почва была каменистой и скользкой, а чуть дальше буквально уходила из-под ног, резко обрываясь вниз, в небольшое узкое ущелье. Полный нехороших предчувствий, Арни хлестнул своего скакуна. Лошадь Надин мчалась вдоль обрыва, и молодой человек на свой страх и риск направил своего коня так, чтобы отсечь девушку от опасной черты.

Позднее он думал о том, почему орава ковбоев, что мчались, стреляя, вопя, пригибаясь к шеем коней, не бросилась спасать хозяйскую дочь? Потому что им не приказывали. Потому что им было запрещено приближаться к ней, заговаривать, даже смотреть. Потому что им было на нее наплевать.

Арни сам не знал, как ему удалось остановить и удержать лошадь, как он успел подхватить легкое тело Надин, а потом опустил девушку на землю целой и невредимой. Ее лицо было белым, как заснеженные вершины, а глаза пустыми, как небеса над головой. Спрыгнув на землю, Иверс подошел к дочери и резко вздернул ее голову за подбородок. В его взгляде сквозили злость, которой она боялась, и холод, перед которым она была беззащитна.

— Это что еще за выходки?! — начал он, и в этот миг какая-то сила бросила Арни вперед.

— Мне кажется, мисс Надин не виновата, сэр. Лошадь испугалась внезапного движения вокруг и понесла.

Иверс повернулся к нему, и Арни увидел мелкие морщины на еще не старом лице и немигающие сумрачные глаза. Железный Джо посмотрел на него так, будто какая-то букашка под его ногами неожиданно посмела заговорить, но потом вдруг сказал:

— Мне кажется, я не слишком почтителен к человеку, который, ни много ни мало спас жизнь моей дочери. Как твое имя, ковбой?

— Арнольд Янсон.

Джозеф Иверс усмехнулся.

— Вижу, ты храбрый парень и быстро принимаешь решения.

Прежде Арни принимал быстрые решения только тогда, когда идея исходила от Кларенса. Однако пристальный взгляд Иверса заставил его кивнуть.

— Послезавтра приезжай ко мне на ранчо. Пообедаешь с нами, а заодно потолкуем.

Тон Иверса не допускал возражений, и Арни снова кивнул. Наверное, он выглядел растерянным и покорным, потому что хозяин «Райской страны» тут же потерял к нему интерес. Он сделал знак дочери, и она пошла за ним. Арни надеялся, что Надин оглянется, но она не оглянулась. Вскоре Арни заметил, что ковбои держатся с ним иначе, чем на пути в Шайенн. Уважительно, но с настороженностью, словно он перестал быть одним из них. Им не удалось подстрелить оленя, и вместе с тем невинное развлечение едва не обернулось настоящей трагедией. Впрочем, Арни не слышал, чтобы Иверс распекал свою свиту. Возможно, он собирался

сделать это, когда они вернутся на ранчо? Арни не ощущал себя героем. Он чувствовал, что влип во что-то такое, от чего следовало держаться подальше.

Кларенс был жив и здоров, и овцы в порядке. Пока Арни вынимал покупки, он бросился варить кофе.

— У меня прямо слюнки текут! — заявил Кларенс, когда приятель положил на стол кусок сала с тонкой полоской розовой ветчины и большой хлеб.

Еще больше он оживился, когда Арни достал из мешка небольшую бутылку виски.

— А как же Уиллис?

— Он не узнает. В дороге ковбои угостили меня выпивкой, поэтому, если бы я не купил тебе виски, это было бы нечестно.

— Ты настоящий друг! А как прошла поездка?

— Нормально. Я потратил даже меньше, чем думал.

— Иверс не зверствовал?

— Он не обращает внимания на таких, как мы с тобой.

Солнце скрылось за горой, оставив после себя веер из прозрачных, легких, как перья, оранжевых лучей. Из леса выползли тени, и вскоре сумерки поглотили остатки дневного света. В эту ночь друзья долго не ложились. В печке пылал огонь, потрескивали дрова, дом был полон запаха горячей смолы. На стенах плясали черные тени. Неподвижные глаза Кларенса ярко блистали в свете огня.

— Я надеялся, что здешняя жизнь окажется очень простой, что нам придется думать только о коровах и овцах, — неловко произнес Арни, завершив рассказ об обитателях «Райской страны».

— И как нам теперь быть?

— Есть вещи, которых не изменить, что ты с ними ни делай. Если Эвиан — жена Иверса, то это так и останется. Тебе просто не повезло.

— Мне? Я думаю не о себе, а о ней.

— Она тебе чужая, — напомнил Арни. — Чужая женщина, чужая жена. Ты видел ее всего два раза, и ты ее не знаешь.

— Скажи, тебе вправду понравилась дочь Иверса?

Арни пожал плечами.

— Ты же знаешь: мне казалось, мы просто шутим. Говорим о них, потому что больше не о ком говорить. А если даже и приглянулась, то мисс Надин хотя бы не замужем.

— Ты поедешь в «Райскую страну»? — спросил Кларенс, допивая свою порцию виски.

— Полагаю, не стоит. Иверс наверняка уже забыл обо мне. Просто вокруг были ковбои, вот он и сделал широкий жест. Ты подумай: он своих-то парней едва ли сажает к себе за стол, а тут вдруг я! Он непонятный и опасный человек, от которого надо держаться подальше.

— Ты должен пойти к нему, — заявил Кларенс. — Надо поглядеть, что там у них творится!

— Зачем совать руку в осиное гнездо? — возразил Арни. — Пусть живут своей жизнью.

— Нет! — Кларенс тряхнул головой. — Нельзя упускать такую возможность.

Арни был намерен всерьез поспорить, но у него ничего не вышло: приятель упорно твердил свое. С Кларенсом всегда было так: если что-то вобьет себе в голову, то будет упрямыться до конца.

— А что ты скажешь о Зане? — вздохнув, спросил Арни.

— Надо о ней разузнать. Странно, что мы ни разу не наткнулись на ее хижину. Если мисс Эвиан в самом деле ходит к индианке, тогда я наверняка сумею встретить ее еще раз.

— Саймон сказал, что у Иверса какие-то дела с этой старухой. Если она связана с ним, это может быть опасным.

— Мне наплевать. Я не понимаю, почему ты не хочешь мне помочь? И чего ты боишься? Если Иверс пригласил тебя в гости, он ничего плохого тебе не сделает. Ты всего лишь посмотришь, как они живут и что там происходит. Больше от тебя ничего не требуется.

— Но потом-то ты что будешь делать? Надумал потягаться с Железным Джо?! Знаешь, во что мы влипнем?!

— Ничего не буду делать. Ты просто съезди, — спокойно ответил Кларенс, но его вид не давал обмануться.

Арни едва не застонал от досады, однако он знал, что возражать бесполезно. Кларенс все равно не отступит. Он был похож на туго сжатую пружину, в нем жило жгучее, страстное, пожирающее душу нетерпение.

— Тогда завтра поделим день. Утром не спеши вставать, я поработаю до обеда, ты меня сменишь, и я поеду к Иверсам.

Несмотря на выпитое накануне виски, Арни поднялся еще до рассвета, успел растопить печь и поджарить бекон, а также накормить лошадей и собак и подоить коров. Около полудня он вернулся домой, надел новую чистую одежду, побрился и причесался. Отправился в «Райскую страну» с сознанием того, что едет с поручением. Можно сказать, на разведку. По дороге Арни думал о Кларенсе, о страсти приятеля играть с опасностью, хвататься за безрассудные идеи, о том, почему его собственное здравомыслие никогда не могло победить горячность друга.

Глава седьмая

Вопреки сомнениям, Джозеф Иверс не удивился появлению Арни, хотя было трудно сказать, ждал он его или все-таки думал, что тот не приедет. Хотя обстановка дома была простой, как в любом сельском жилище, выросшему в беспросветной бедности Арни она показалась почти роскошной. На него произвели впечатление и большой камин, и массивный стол, и стеклянные абажуры на лампах. Опускаясь на казавшийся хрупким стул, Арни ощущал себя поразительно неуклюжим. Он не знал, куда девать ноги и руки, следует ли смотреть в глаза хозяина дома или лучше на свои сапоги. Казалось, Иверс не замечает его неловкости. Он сказал, что обед подадут через четверть часа, а пока они немного побеседуют. Хозяин «Райской страны» поинтересовался, откуда Арни родом, кто его родители, как их зовут. Молодой человек покорно отвечал на все вопросы. При этом его не покидало чувство, будто его, как несмышленного мальчишку, от скуки расспрашивает взрослый. Когда Арни объяснил, что хотя сам он родился в Америке, его предки прибыли откуда-то с севера, Иверс пошутил:

— Наверное, это были викинги.

Арни смущенно улыбнулся, и в это время часы на стене пробили два.

— Идем, — поднявшись, сказал хозяин дома. — Все готово.

Они вошли в столовую через широкую дверь, а с другой стороны, как по команде, появилась Надин. На ней было голубое платье с белыми кружевными манжетами и воротничком, застегнутым тяжеловатой камеей. Арни отметил красиво причесанные волосы, похожие на капли серыги в ушах и небольшие, но явно знавшие работу руки. Надин скромно поздоровалась, после чего они сели за стол, на котором стояло четыре прибора. Одно место пустовало. Арни не составило труда догадаться, чье оно. Когда пожилая женщина, наверное, кухарка, внесла большую суповую миску, а потом тарелки с сыром, ветчиной и хлебом, Джозеф Иверс негромко сказал:

— Зайди к Эвиан. Напомни, где она должна быть. Скажи, если не явится, я сам за ней приду.

Арни не очень надеялся, что ему повезет увидеть молодую жену Иверса, но она пришла. Она в самом деле была гораздо красивее Надин, и Арнишний раз убедился в том, что Кларенс всегда выбирает лучшее. Эвиан была похожа на цветок, насильно воткнутый в чужеродную почву. Не желая ни есть, ни говорить, она со скорбным упорством сжала губы. Ее черные миндалевидные глаза были яркими и печальными, а неподвижное лицо дышало страстной силой. Она была из тех, кто переносит унижение не просто с достоинством, а с вызовом. Эвиан была в темном, и Арни невольно подумал, что ей подошло бы красное платье с юбкой, напоминавшей чашечку гигантского цветка, вздувавшейся колоколом, когда она закружится в танце. Однако едва ли этой молодой женщине хотелось веселиться и танцевать.

Хозяин дома представил ее как свою жену, а гостя как человека с соседнего ранчо. Пристав, Арни поздоровался с ней, но Эвиан не ответила: приглашенный в дом Джозефом Иверсом, он находился по другую сторону границы. Арни сразу заметил, что девушки не просто не ладят между собой, они ненавидят друг друга. Обе многое отдали бы за то, чтобы не сидеть за одним столом. Это проявлялось и в разом возникшем напряжении, и в том, что они подчеркнуто не глядели одна на другую. Арни поразился, как им с Кларенсом вообще пришлось в голову принять их за сестер! Джозеф Иверс, казалось, ничего не замечал. Открыв бутылку вина, он разлил его по бокалам: девушкам по чуть-чуть, себе и гостю побольше. Надин пригубила вино, а Эвиан даже не дотронулась до бокала. Арни сосредоточился на похлебке, стараясь есть аккуратно и неспешно. В его тарелке было вдоволь и говядины, и жира, и лука, и картошки, и перца.

Иверс говорил о совершенно неинтересных большинству людей вещах. О том, что каждый ярд земли должен приносить пользу, о том, как часто надо скашивать траву на лугах и

овец какой породы лучше заводить в этой местности. Словом, вел себя как обычный ранчero. Такие разговоры были знакомы и понятны Арни, они успокаивали его, потому что он мог не только поддакивать, а иной раз даже сказать что-то по делу. Девушки продолжали молчать. Впрочем, в те времена не было принято, чтобы женщины болтали за столом. Разговоры были привилегией мужчин, поэтому Иверс вел себя так, будто рядом не было ни жены, ни дочери: ни разу не обратился ни к одной из них и даже не смотрел в их сторону. Арни поневоле вынужден был вести себя точно так же.

— Ты устроился к Уиллису до весны? — спросил Иверс.

— Да, — ответил Арни и признался: — Мне здесь нравится.

— Здешнюю жизнь нельзя назвать легкой.

— К этому я привык.

— Когда закончишь работать у Уиллиса, я могу взять тебя к себе, — заметил Иверс. —

Мне нужны надежные люди.

Арни вежливо кивнул.

— Спасибо, сэр. Но я не один, у меня есть друг, и мы бы хотели работать вместе.

— Возьму и друга, если он чего-то стоит. Или у вас другие планы?

Арни решил сказать правду:

— Никаких планов, сэр.

Иверс откинулся на спинку стула.

— В размышлениях о грядущем дне не всегда есть польза. Что толку в бесполезном отчаянии или напрасных надеждах?

Арни казалось странным, что Иверс не упомянул о вчерашнем происшествии, собственно, и послужившем поводом для приглашения. Однако, когда обед подошел к концу, хозяин сказал:

— Если желаете, мистер Янсон, можете выйти с Надин. Погуляйте по ранчо, поговорите. Только не заходите слишком далеко.

Последняя фраза прозвучала двусмысленно. Арни покраснел и что-то пробормотал, а Надин поднялась с места с неожиданной готовностью, и в ее взгляде промелькнуло непонятное торжество. Если бы Арни лучше знал женщин и вообще людей, он бы догадался, в чем дело. В жизни Эвиан не было места ни прогулкам с молодыми людьми, ни невинным ухаживаниям, ни робости первого чувства, ни наивным мечтам. Судьба лишила ее будущего, а Надин пока нет.

Глава восьмая

Надин Иверс не помнила иной жизни, кроме жизни на ранчо. Она увидела Скалистые горы, ощутила веяние ветра и услышала шум листвы гораздо раньше, чем узнала, что на свете существуют время и смерть, поэтому все это и поныне казалось ей олицетворением вечности. Она любила леса Вайоминга, печальные и мрачные даже при солнечном свете, его необъятные пастбища и величавые вершины. Пока Надин не вышла из детского возраста, она ощущала себя защищенной от любых бед. Если даже кругом было полно несправедливости и зла, мать ограждала ее от этого. По вечерам она рассказывала дочери сказки и учила ее молитвам, мастерила ей кукол и постоянно напоминала, что Надин должна делать все, как велит отец, потому что он не привык повторять что-либо дважды. Однако у девочки не было поводов для послушания, к тому же она не слишком часто видела Джозефа Иверса. Да и тогда он не стремился разговаривать с ней, а всего лишь смотрел на нее с непонятной досадой.

Днем, пока Кортни Иверс хлопотала по дому, Надин могла находиться где угодно: на конюшне, на кухне, в хлеву — ей везде улыбались, трепали ее по волосам. Работавшие у отца ковбои, случалось, поднимали ее на плечи и катали по двору или в шутку подсаживали на лошадь. Сама не заметив как, она научилась ездить верхом, доить коров и, не стесняясь, общаться с людьми.

Когда она стала старше, все изменилось. Надин узнала, что большой и важный мужской мир и тесный женский мирок — очень разные вещи. С одной стороны, второй является частью первого, с другой — не должен с ним соприкасаться. На разговоры с ковбоями, как и на «неженские» занятия, был наложен строгий запрет. Одновременно Надин, наконец, почувствовала и поняла, что из себя представляет ее отец. Джозеф Иверс воровал материнский смех, высасывал из ее тела молодость и вызывал у нее слезы, которые Кортни смахивала тайком, чтобы не увидела дочь. Когда отец появлялся на горизонте, Надин приходилось превращаться в куклу, в существо, всецело покорное его воле. Лучше всего было не попадаться ему на глаза, но со смертью Кортни это стало невозможным, и тогда Надин осознала, что ранчо, прежде казавшееся ей обителью свободы, на самом деле — тюрьма. Что она никогда не сможет убежать от будущего, уготованного отцом. Он определял время, когда она должна вставать, выходить к обеду, ложиться спать и решал, чем ей заниматься днем. Наверное, так же жила ее мать, просто прежде Надин не догадывалась об этом. Кортни не сумела выполнить главной миссии — родить мужу наследника, и за это он обращался с ней, как с мебелью. Когда матери не стало, Надин не могла отделаться от мысли, что отец рад ее смерти. Она сидела у постели умирающей, но его не было. Джозеф Иверс появился лишь, когда пришла пора отдать распоряжение о похоронах. Кортни закопали рядом с четырьмя ее детьми, которые умерли, не дожив до года. Джозеф Иверс никогда сюда не приходил. Похоже, в его глазах память о покойных ничего не стоила. Отец всегда оценивал людей и животных с точки зрения их пользы. В его взгляде в любой момент могла появиться холодная ярость, а в словах — рассчитанная, бьющая наотмашь издевка.

Надин навсегда запомнила день, когда Джозеф привел в дом Эвиан. Нет, он не вошел с ней под ручку, он втащил ее, тяжело дыша и бранясь, и по пути прикрикнул на застывшую в изумлении дочь. Она никогда не видела, чтобы чей-то гнев вырывался наружу с такой безумной силой: незнакомая девушка извивалась, пиналась, царапалась и кусалась. Надин не сомневалась в том, что отец совершает преступление. Она решила бы, что Джозеф Иверс сошел с ума и похитил чужую женщину, если бы не знала, насколько он властен над собой и расчетлив в поступках. Его руки были сильнее девичьих, и ему не составило труда уволочь незнакомку в спальню. Надин не спала всю ночь, то прислушиваясь в надежде уловить какие-то звуки, то,

напротив, зажимая уши руками. Утром Надин увидела на щеке отца длинные царапины. За завтраком он сказал:

— Девушка, которую ты видела вчера, моя жена. Я сочетался с ней браком в Шайенне. Ее зовут Эвиан. Некоторое она не будет выходить к столу.

Надин застыла, словно пораженная ударом грома. Кухарка носила пленнице еду. Иногда та колотила в дверь и выкрикивала какие-то фразы, но чаще сидела молча. Каждую ночь Джозеф Иверс запирался с ней в спальне, и Надин не хотелось думать о том, что там происходит. А потом Эвиан появилась в гостиной. Холодная, неподвижная, уязвленная, но не сломленная. Улучив момент, Надин задала девушке вопрос, который не давал ей покоя:

— Как ты сюда попала?

— Не по своей воле, — отчеканила Эвиан, глядя прямо перед собой.

— Кто ты и откуда?

— А ты?

— Я живу здесь с рождения. Я дочь Джозефа Иверса, хозяина этого ранчо, — твердо произнесла Надин.

— Я ненавижу твоего отца, тебя и ваше ранчо, — сказала Эвиан.

Надин опешила, но не осталась в долгу:

— Это я должна тебя ненавидеть. Ты не имеешь никакого права занимать место моей матери!

Эвиан скривила губы.

— Твою мать я тоже ненавижу. Зачем она умерла? Пусть бы мучилась вместо меня!

За эти слова Надин была готова ее убить. С тех пор они не разговаривали, но их взаимная ненависть росла с каждым днем. Надин пришлось распорядиться хозяйством, тогда как Эвиан ничего не делала. Когда девушка попыталась пожаловаться отцу, он небрежно произнес:

— Я привез ее сюда не для того, чтобы она топила печь и доила коров.

«Почему именно я должна выполнять грязную работу? Чем она лучше меня?!» — хотела воскликнуть Надин, но ей пришлось молча проглотить обиду. Чуть позже Джозеф поделился с дочерью своими планами:

— Надеюсь, Эвиан родит мне наследника, а для тебя я подыщу в Шайенне состоятельного жениха.

Услышав такое, Надин едва не задохнулась от возмущения. Значит, эта девица станет хозяйкой ранчо, а ее отец сбудет с рук, выдав замуж за какого-нибудь немолодого банкира! Когда Эвиан убежала из «Райской страны» (как только и могла сбежать горожанка — в туфлях и легком платье, без запасов еды), Надин искренне надеялась, что она сгинет в лесу, но ее поймали и вернули назад. Дочь Иверса слышала, как отец сказал девушке:

— Если еще раз сбежишь, я упрячу тебя в бордель. Для меня это будет проще простого. Там тебя быстро сломают, и тебе придется спать не с одним, а со многими. И не удивляйся, если я стану твоим постоянным клиентом.

Эвиан ничего не ответила, но задрожала как осиновый лист. Увидев это, Надин подумала, что, пожалуй, белоручке придется куда хуже, чем ей самой, однако не почувствовала жалости. С тех пор Эвиан не предпринимала попыток сбежать, зато принялась наведываться к Зане. Надин не понимала, зачем отец это позволяет и что общего может быть у шайеннской девицы с обитательницей лесной хижины, и поневоле испытывала ревность. Она слышала о Зане, хотя никогда ее не видела. Когда заболела Кортни, один из работников посоветовал Джозефу позвать старуху, но та не пришла. Создавалось впечатление, что она никогда не покидает границы леса. Во всем этом скрывалось что-то таинственное и нехорошее.

Надин вышла во двор с молодым ковбоем, думая, что этот человек не знает о том, что он первый мужчина, с которым ей позволено прогуляться и поболтать с тех пор, как она вышла

из детского возраста. Он был симпатичный, хотя застенчивый и неловкий, как все эти парни, и Надин решила взять инициативу в свои руки.

— Я еще не поблагодарила вас за то, что вы остановили коня. Сама бы я ни за что не справилась.

— Я просто вовремя заметил, что лошадь понесла. Ведь так и было?

— Да, — ответила Надин после небольшой паузы.

На самом деле что-то заставило ее хлестнуть коня, направив его за толпой ковбоев. Наверное, то было внезапно вспыхнувшее желание выразить неповиновение отцу, вырваться на свободу, хотя на самом деле она бы сумела избавиться от его власти, только разбившись о камни.

— Я рада, что вам здесь нравится, — сказала Надин. — Я родилась и выросла в этих краях.

— Вы часто ездите по ранчо верхом?

— Вообще не езжу. У меня много работы по дому.

— Тогда вам, наверное, понравилась поездка в Шайенн?

До этого Надин шла, глядя себе под ноги, чтобы случайно не наступить на коровью лепешку, но сейчас она остановилась и вскинула взор. Ей совсем не понравилась эта поездка, несмотря на то, что отец обещал заказать ей новые платья. Он ездил договариваться о браке, браке, в котором Надин должна была потерять все свои радости, мечты и надежды. Ее женихом стал представитель железнодорожной компании «Юнион Пэсифик», сорокапятилетний мужчина с собственным домом и большим счетом в банке. Он совершенно не приглянулся Надин, и теперь она думала, что ее участь мало чем отличается от участи Эвиан.

— Возможно, скоро я перееду в город, — сухо произнесла она.

Ее спутник удивился.

— Вот как?

— Да. После того, как отец выдаст меня замуж.

Надин не знала, зачем говорит это незнакомому человеку, хотя, в сущности, ей было совершенно не с кем поделиться своей бедой. Девушка не знала, как объяснить, что, с одной стороны, она желает навсегда остаться в «Райской стране», а с другой, что порой ей хочет бежать отсюда куда глаза глядят.

— Вы не согласны с решением мистера Иверса?

— Нет. Но отец не допустит отказа. Это мужчины вольны выбирать, как им жить, а женщины — никогда.

— Мне редко приходилось выбирать, — сказал Арни. — Я вырос в бедной семье, и у нас всегда было мало возможностей.

— И все-таки вы смогли уехать из дома, найти работу. И наверняка женитесь по своему выбору.

Парень смущенно пожал плечами, а Надин испугалась. Разве она хорошо знает этого человека? Не ему ли отец предлагал работу и обещал покровительство? А если он выдаст ее с головой?!

— Прошу, не передавайте мои слова мистеру Иверсу! — вырвалось у нее.

— Что вы, конечно, нет!

Надин прочитала в его глазах сочувствие и неподдельный интерес к ее скромной персоне.

— Будучи в Шайенне, я кое-что узнал о вашем отце, — нерешительно произнес юноша.

— Только не говорите, что когда-то он был другим, — с горечью промолвила Надин.

Арни сделал паузу, словно не решаясь в чем-то признаться, а после сказал:

— Нет, я имел в виду вовсе не это. — А потом вдруг спросил: — Почему «Райская страна»? Обычно ранчо так не называют.

— Это насмешка. Отец всегда говорил: «Ковбои такие тупые — не могут связать двух слов, но при этом щеголяют вычурными названиями. Что ж, я придумаю такое, что переплюну их всех!» — ответила Надин и, внезапно охнув, закрыла рот рукой.

Молодой человек засмеялся, и тогда она тоже улыбнулась.

— В чем-то он без сомнения прав! — сказал Арни.

— Он никогда не сомневается в своей правоте.

— Я мало ходил в школу, хотя умею читать и писать. Мне рано пришлось взяться за работу.

— А меня учила мама. По книгам, которые она привезла из города.

Надин заметила, что ноги несут ее на кладбище. Что ж, это может послужить оправданием, если отец скажет, что она задержалась с незнакомцем дольше положенного. Почему бы во время прогулки им не навестить могилу Кортни Иверс?

— Ваша мать жива? — спросила она своего спутника.

— Да, — отозвался Арни с оттенком вины.

— Как ее зовут?

— Ирма.

— Красивое имя. И необычное.

— А мне нравится ваше.

Надин вновь посмотрела на него своими серо-голубыми глазами. В ее взгляде были простота, искренность и надежность — совсем как во взоре матери Арни, и юноша почувствовал, как в нем растет симпатия к этой девушке.

Глава девятая

Кладбище казалось заброшенным, оно заросло сорными травами и мхом. Неприметная тропинка вела к простому камню, под которым покоилась Кортни Иверс. Надин стояла молча, опустив руки. Казалось, она смотрит на сверкающую паутину, сплетенную крохотными паучками и покрывавшую камень, будто тончайшее кружево, как на еще одно доказательство хрупкости мира и жизни.

Арни слушал тишину. В лесу, который начинался совсем рядом, стояло безветрие. Листва на деревьях поредела, с кустов осыпались ягоды. Небо пересекали стаи птиц, улетающих в теплые края. Арни чувствовал, что в его встрече с Надин осталось много неясности и недосказанности. К тому же он не выполнил поручение Кларенса: не расспросил девушку ни про Эвиан, ни о Зане. Впрочем, он не представлял, как к этому подступиться.

— Мисс Надин, мы сможем увидеться еще раз?

Услышав этот вопрос, девушка вздрогнула. Много лет на нее давил страх, давил не хуже могильного камня. Когда возвращаясь из Шайенна, она пустила лошадь вскачь, надеясь то ли хоть на мгновение вырваться из плена, то ли разбиться о скалы и положить конец тому, что еще и не начиналось, ее остановил именно этот человек. Не являлось ли это знаком судьбы?

— Вряд ли. Отец не позволит. А встречаться тайком просто нелегко.

— А здесь? — спросил ее спутник.

Губы Надин приоткрылись, а потом на них появилась улыбка.

— Да! Обычно я посещаю кладбище раз в неделю, но могу и чаще. Отец об этом знает, и он ни за что не последует за мной. Он сюда не ходит. А вы можете появиться со стороны леса. Надеюсь, вас никто не заметит. Я пойду вам навстречу, и мы укроемся за деревьями.

Она не думала о том, плохо это или нет. Джозеф Иверс никогда не раскаивался в своих поступках, и Надин знала, что, послушавшись его, испытает если не удовольствие, то, по крайней мере, чувство мести. Отец был властен над всем, кроме самого главного — ее мыслями и чувствами.

— А зачем вам это? — запоздало спросила она.

— Мне кажется, нам есть о чем поговорить.

Надин кивнула.

— Хорошо, мистер Янсон. А сейчас нам лучше вернуться.

Молодой человек поморщился, словно от зубной боли.

— Прошу, не называйте меня так! Это тоже звучит как насмешка. Меня зовут Арни.

Она засмеялась.

— Ладно.

Глядя на нее, он улыбался, и Надин поймала себя на мысли, что находит его обаятельным, даже красивым. Чего стоит мистер Фостер с его брюшком, суетливыми движениями, плотоядным взглядом и кислой улыбкой против этого высокого, хорошо сложенного парня! Надин едва не расхохоталась, представив, как Арни дает мистеру Фостеру пинка под зад! Ничего, что у этого юноши нет даже десяти долларов, чтобы купить самую плохонькую лошадь. Зато у него есть молодость и особая независимость, свойственная только ковбоям. В последнем Надин убеждалась не раз. Пусть, работая на ранчо, большинство из них ни разу не переступало порога хозяйского дома, они точно так же не желали, чтобы кто-то вмешивался в их жизнь. Если ковбоя что-то было не по нутру, он мог в одночасье собраться и уехать, что называется, вслед за закатом. Надин хорошо помнила, как однажды в ответ на оскорбление отца ковбой плюнул ему под ноги, а потом отбыл с ранчо, даже не потребовав положенной платы. И пусть через сутки его нашли на дороге с пулей в голове, он все равно поступил так, как хотел.

— Вы знакомы с мистером Уиллисом? — спросил Арни, когда они шли обратно.

— Да, он бывал у нас. У них с отцом хорошие отношения, — ответила Надин, подумав о том, что, по мнению Джозефа Иверса, «хорошие отношения» всегда подразумевают взаимную выгоду.

Задержавшись возле крыльца, Арни негромко произнес:

— Когда?

Надин опасливо оглянулась.

— В эту пятницу, в пять часов пополудни.

Он кивнул.

— Хорошо.

Выбор места показался Надин тем более удачным, что она надеялась на покровительство матери, которая наверняка наблюдала за ней с Небес.

Джозеф Иверс простился с Арни со словами:

— Что ж, мистер Янсон, надеюсь увидеть вас здесь весной.

Когда дочь вошла в дом, он насмешливо произнес:

— Ну как, твой пропахший навозом кавалер сумел связать хотя бы два слова?

— Да, — сдержанно ответила Надин.

Видя, что дочь хмурится, Джозеф Иверс расхохотался.

— Я пошутил. Это же настоящий викинг! Вот что значит северная порода.

До конца дня Надин не покидало хорошее настроение, и даже ложась спать, она продолжала думать об Арни, не зная, что тот вернулся обратно в растрепанных чувствах.

Молодой человек понимал, что нельзя влезать в то, во что ни в коем случае не надо влезать. Он был не таким, как Кларенс. Еще в детстве он слышал, как люди говорили: «Кларенс Хейвуд бежит впереди с факелом в руках, а за ним мчится Арни Янсон с ведром воды». Так оно и было. Вот только Арни никогда не успевал догнать друга.

Он смог поговорить с Кларенсом только поздним вечером, когда оба приехали домой с пастбищ.

— Совсем забыл: смотри, что я нашел, пока ты ездил в Шайенн! — сказал Кларенс и показал Арни два тулупа из бизоньей шкуры. — Тяжелые, но теплые. В них холода не страшны.

— Если еще придется зимовать, — мрачно заметил Арни, накладывая в миску бобы. — Может быть, еще раньше Иверс сделает из меня хороший бифштекс за то, что я втайне встречаюсь с его дочкой!

Кларенс прищурил темные глаза.

— Ты что же, боишься его?

— Не боялся бы, если бы оказался с ним один на один. Так ведь у него уйма народа и у всех винтовки!

— Это такие же ковбои, как мы с тобой. Они не станут стрелять в своих.

Арни покачал головой.

— Мы не знаем, кто они на самом деле, и нам неизвестно, на что они способны, если прикажет Иверс.

— Каким он тебе показался?

— Если бы я ничего о нем не слышал, то решил бы, что он обыкновенный богатый ранчеро. Пусть не слишком приятный человек, пусть даже подлый и низкий. Но не бандит.

— Ты что-то узнал о мисс Эвиан?

— Я ее видел. Она не произнесла ни слова в моем присутствии, но все было ясно и так. Со звонким хрустом сломав сухую ветку, Кларенс бросил ее в огонь.

— А о Зане?

— Я не знал, как спросить о ней у мисс Надин. Да и вряд ли она что-то знает об этой женщине. Она сказала, что у нее полно работы в доме и поэтому ей редко доводится покидать пределы усадьбы.

— Выходит, ты зря побывал в «Райской стране». — В тоне Кларенса слышался упрек.

— Я познакомился с мисс Надин, — заметил Арни.

— И что дальше? Она дочка Иверса!

— Она хорошая девушка.

— Ты думаешь так, потому что выбрал ее с самого начала.

— Знаешь, — с горечью промолвил Арни, — я ничего не выбирал. Выбрал ты. А я... Тогда я думал, что это обыкновенная болтовня. Но теперь, — твердо добавил он, — я хочу помочь мисс Надин, так же как ты — ее мачехе.

— Чем же ты ей поможешь? Женишься на ней? — с усмешкой произнес Кларенс.

Арни невольно представил клочок плохонькой земли, покрытую досками и дерном хижину и женщину, которая со временем возненавидит и нищету, в какой ей придется жить, и его самого.

— Разве Иверс выдаст ее за меня? Странствующий ковбой — самая худшая партия для дочери богатого ранчиро. Он уже подыскал для мисс Надин подходящего жениха — какого-то толстосума из Шайенна.

— Тогда какой в этом смысл?

Арни посмотрел ему в глаза. Иногда Кларенс видел чужую правду, но в упор не замечал своей.

— А какой смысл в твоих разговорах о мисс Эвиан?

— А это уж мое дело, — несколько угрожающе произнес Кларенс.

— Я понимаю, она очень красива, красивее дочки Иверса, но она принадлежит *ему*, даже если он и взял ее не по праву, обманом или силой! А тебя Эвиан и вовсе не знает. На что ты ей сдался — нищий ковбой?

— Слушай, заткнись, а?

Арни подумал о том, что значит мечтать о девушке, которую постоянно видишь в своих снах. Равно как и о девушке, которая подходит тебе своим образом мыслей, простотой желаний и жизненными целями. Да, чисто внешне ему больше понравилась Эвиан, но после сегодняшней прогулки он понял, что едва ли сможет забыть Надин. Прошло много времени, прежде чем он промолвил:

— Давай не будем ссориться.

— Хорошо, — ровно произнес Кларенс. — Но я хочу найти Зану.

Упустив «зачем тебе это», Арни сказал:

— Возможно, все это выдумки. Разве может женщина жить в лесу?

— Я знаю, что это правда.

Арни знал, что упрямство Кларенса значит больше, чем любые доводы рассудка, поэтому промолчал. Но в его душе осталась обида.

Глава десятая

Эвиан Тарбелл была так же близка со своей матерью, как и Надин Иверс со своей. Они жили вполне прилично, хотя ничего не имели за душой. Миссис Тарбелл работала в мастерской известной шайеннской портнихи мадам Кристель, и ее дохода вполне хватало на скромное существование. Разумеется, у них не было никаких надежд на будущее. Существовала вероятность, что какой-нибудь богатый кавалер прельстится красотой Эвиан, но эта возможность была довольно ничтожна. Пока же девушка училась шить, а также иногда разносила покупательницам заказы.

Эвиан не помнила своего отца, но Фиона часто рассказывала, что они поженились по любви. Оба происходили из семей переселенцев, приехавших в Вайоминг в крытых фургонах еще до окончания строительства трансконтинентальной железной дороги[1], только родителям Лиланда повезло больше, чем родным Фионы. Отец и мать молодого человека были против его женитьбы на бедной девушке, но Лиланд поступил по-своему, пусть ему и пришлось поссориться с семьей. Они были счастливы совсем недолго: через три года после свадьбы Лиланд Тарбелл был убит шальной пулей во время драки в салуне. После Фиона так и не устроила свою личную жизнь, посвятив себя дочери. Однажды она призналась Эвиан, что больше не вышла замуж, потому что не верила, что то, что было у нее с Лиландом, может повториться с кем-то другим.

Все шло более-менее хорошо, пока однажды Фиона не вернулась домой полумертвая от страха с остановившимся взглядом, дрожащими руками и каплями пота над верхней губой и, рухнув на стул, обреченно произнесла:

— Я встретила *его*.

— Кого?! — спросила Эвиан.

С трудом взяв себя в руки, Фиона рассказала дочери о Джозефе Иверсе, Железном Джо.

— Он увидел меня на празднике осеннего забоя скота и обещал мне золотые горы, но все знали, что он бандит, к тому же я была помолвлена с Лиландом. Железный Джо был взбешен моим отказом и пообещал исковеркать мою судьбу. Я уверена, что выстрел в салуне, унесший жизнь твоего отца, не был случайным, потому что в тот день Иверса видели там. Когда он пришел ко мне с очередным предложением, я плюнула ему в лицо, а потом обратилась за помощью к шерифу. Не знаю, что сыграло роль, но только после Железного Джо исчез из моей жизни. Я не знала, где он и что с ним, и постепенно перестала об этом думать. А сегодня, спустя много лет, столкнулась с ним, когда выходила из мастерской. Если бы я его не знала, то могла бы сказать, что он выглядит как богатый господин, добропорядочный человек. Может, он не узнал бы меня, если бы я не посмотрела на него с таким ужасом. Он резко остановился, будто врезавшись в стену, а потом спокойно произнес: «Не могу сказать, что годы не властны над тобой, Фиона, однако ты все еще хороша. Я слышал, твоего мужа убили? Нашла ли ты нового спутника жизни? Если нет, то у меня большое ранчо, и я недавно овдовел». Я не могла промолвить ни слова, а он, казалось, наслаждался моим испугом. В конце концов, он все-таки позволил мне пройти и с усмешкой бросил вслед: «Не беспокойся, теперь ты слишком стара для меня!»

— Если он так сказал, тогда ты можешь не бояться, — нерешительно промолвила Эвиан.

Фиона покачала головой.

— Не знаю. У меня плохие предчувствия.

— А что ему было нужно в мастерской мадам Кристель?

— Наверное, собирался что-то купить для одной из своих любовниц. Он всегда посещал бордели. Недаром его жена раньше времени сошла в могилу.

Эвиан не ожидала, что эта встреча столь сильно подействует на ее мать, но Фиона слегла. Как уже иногда бывало, девушка взялась подменить ее в мастерской. Она сбивалась с ног,

разрываясь между дамами, требовавшими альбомы выкровок, покупательницами, явившимися забрать заказы, и клиентками в примерочной, когда в помещение вошел мужчина. В этом не было ничего необычного. Отцы семейств часто забирали наряды, заказанные женами и дочерьми, оставшимися на ранчо. Время было горячее: близились празднества в честь весеннего клеймения скота. Господин попросил Эвиан вынести готовое платье, а потом, окинув ее взглядом, неожиданно сказал:

— Прошу прощения, юная леди, вы не согласитесь его примерить? Я заказал его для дочери, а она такого же возраста и... телосложения, как вы.

Хотя к Эвиан еще не обращались с подобной просьбой, она не смутилась. Когда, надев платье, девушка вышла к клиенту, тот с восхищением отступил назад.

— Оно сидит на вас просто великолепно! Можно, я подарю его вам, а для дочери закажу другое?

— Благодарю, сэр, но я не принимаю подарки от незнакомых джентльменов.

Услышав это, мужчина благосклонно улыбнулся.

— Весьма похвально. Мне нравятся хорошо воспитанные молодые леди. Тогда сложите платье в коробку — я его забираю.

Он расплатился и, как делали многие клиенты, добавил чаевые. Пересчитав деньги, Эвиан ахнула. Решив, что мужчина ошибся, она обратилась к мадам Кристель:

— Джентльмен, купивший голубое платье, кто он?

— Это мистер Иверс, богатый землевладелец и скотовод, — ответила хозяйка, и перед глазами Эвиан померк мир.

Она возвращалась домой, не видя дороги, сомневаясь, надо ли говорить матери правду. Потом все-таки рассказала и не напрасно: через несколько дней Джозеф Иверс явился в их дом. Услышав, зачем он пришел, перепуганная Фиона воскликнула:

— Я обращаюсь к шерифу!

Иверс развел руками.

— А что я сделал? Совершил преступление? Я всего лишь попросил руки твоей дочери. К тому же нынешний шериф мой хороший приятель. Когда я приезжаю в Шайенн, мы вместе посещаем мужской клуб.

— Ты был бандитом! — прошептала Фиона.

— А жена председателя Ассоциации скотоводов Вайоминга в молодости торговала своим телом. Во всяком случае, так говорят, — сказал Иверс и поклонился Эвиан. — Прошу прощения у юной леди. Мы должны быть разумными людьми и не впадать в крайности. Время обращает грехи в пепел — такова наша жизнь.

— Не все грехи, — голос Эвиан дрожал. — Я никогда не выйду замуж за человека, убившего моего отца!

— Кто сказал вам такое? Ваша матушка? Я искренне огорчен, потому что это неправда. Мистер Тарбелл погиб от случайного выстрела. Пуля могла быть выпущена из любого оружия. То, что в тот момент среди многих других мужчин в салуне находился я, ничего не доказывает. Что ж, дамы, я даю вам время подумать. Трех дней будет достаточно? Дело в том, что в конце недели я должен вернуться на ранчо.

С этими словами он откланялся и ушел. Под маской стального спокойствия таилось грубое вождение и властная наглость. Фиона ясно видела подлинную душу Джозефа Иверса, надежно спрятанную под грузом лет, кучей уловок, нагромождением лжи. Он нисколько не изменился. Ему были неведомы душевные добродетели, он жил только своими желаниями. В его крови бушевал порок. Женщина в панике заявила дочери:

— Нам надо уехать!

— Куда?

— Мои родные умерли, но у Лиланда оставались родственники. Я им напишу. Быть может, они меня вспомнят. Они были против нашей свадьбы с твоим отцом, и мы не общались много лет, но в тебе течет кровь Лиланда. Они обязаны нам помочь. А пока тебе не надо выходить из дома.

— Почему? Мы не должны показывать, что боимся.

Они ждали появления Джозефа Иверса через три дня, но он не пришел. Эвиан надеялась, что он все понял с первого раза и уехал на свое ранчо. Она возвращалась домой из мастерской мадам Кристель, когда он остановил ее в переулке. В тот день Эвиан впервые увидела в его глазах угрожающую настойчивость. Ей стало по-настоящему страшно, и она с трудом заставила себя выслушать его слова:

— Одни и те же вещи могут быть совершенно разными, в зависимости от того, как на них смотреть. Вы полагаете, брак со мной обернется пленом, но на самом деле он способен принести вам освобождение. Что вас ждет? Тяжкий быт без будущего и прошлого, с настоящим, которым нельзя наслаждаться, а можно только терпеть. Выходите за меня, и вы станете первой красавицей не только Шайенна, а всего Вайоминга и будете блистать на балах Ассоциации. Если вы не хотите жить на ранчо, мы переедем в город. Я обеспечу вашу мать. Из родных у меня есть только дочь, кроткая, послушная девушка. Она нам не мешает и даже может стать вам подругой. В свое время я женился по расчету. Но у меня еще остались годы, когда я могу насладиться чем-то другим.

В эти минуты Джозеф Иверс предстал перед Эвиан дьяволом, решившим похитить ее молодость и красоту. Однако она по наивности считала, что у нее хватит твердости удержать его на расстоянии, и была свято уверена в том, что невинность надежно охраняет женщину от мужских посягательств.

— Нет и еще раз нет, — ответила она, стараясь не обращать внимания на неприятное стеснение в груди. — Вы можете сколько угодно останавливать меня, но не услышите ничего другого.

Следующим вечером Эвиан возвращалась от заказчицы, которой относил готовое платье. За ней шли два парня, но она не обратила на них внимание. Парни были как парни, ковбои, каких полно на каждой улице и в любом салуне: в мешковатых штанах, расстегнутых жилетах и фетровых шляпах. Такие могли неловко пошутить с приглянувшейся девушкой, но и только. Когда они схватили ее в пустынном переулке, она так растерялась и испугалась, что не сумела вовремя закричать. Один из парней заткнул ей рот платком и держал руки, а второй занимался ее одеждой. Он исполосовал ткань ножом, превратив подол юбки в лохмотья, разодрал лиф до пояса, а напоследок стащил с Эвиан панталоны и бросил их в грязь. Когда она вернулась домой растрепанная, рыдающая, полуголая, с панталонами в руках, Фиона едва не упала в обморок.

— Кто это был? Что они с тобой сделали?!

— Какие-то парни, — с трудом проговорила Эвиан, падая на стул и закрывая лицо руками. — Они напали на меня и порвали одежду!

Фиона схватила дочь в объятия.

— Они тебя обесчестили?!

Девушка покачала головой, но женщина знала, что это ничего не меняет. Даже если Эвиан видел хотя бы один человек, завтра же по Шайенну поползут слухи. А ее, без сомнения, видели. Решив предупредить события, наутро Фиона отправилась к шерифу и рассказала о нападении. Он пообещал женщине сделать все возможное и попросил ее дочь описать приметы преступников, но Эвиан почти ничего не запомнила. Парней не нашли. Собственно, не было даже подозреваемых. Фиона догадывалась, кто заказчик, но она понимала, что ее не станут слушать. Многие сочувствовали и ей, и ее дочери, но это опять-таки ничего не меняло. Даже если физически Эвиан осталась девственницей, в моральном отношении ее честь все равно пострадала. Все знали, что ее ждет: судьба проститутки или приживалки. Благородные муж-

чины, желающие взять ее в жены, нашлись бы, если у Тарбеллов были деньги, а так... «Красота не всегда приносит счастье», — шептались одни. «Не бывает дыма без огня», — замечали другие. «Нечего ходить по улицам одной, без сопровождения», — рассуждали третьи. Фиона наслушалась этого и в мастерской мадам Кристель, и на улице, и в коридорах дома, где они с дочерью снимали комнату. Эвиан не выходила на улицу. Она не могла смириться с тем, что ее выставили порочной. Не понимала, почему должна чувствовать себя виноватой, и вместе с тем не имела сил смотреть людям в глаза. Участь обитательницы борделя маячила перед ней разверзнутым адом. Заметив этих жалких созданий, нередко появлявшихся на балконах «заведений» в одном белье и зазывавших мужчин, она всегда с содроганием опускала глаза. Под напускным бесстыдством скрывались боль души и трагедия жизни.

Фиона Тарбелл сдалась первой. Она слегла, а вскоре скоротечной скончалась. Эвиан знала, что мать была раздавлена, она умерла от разбитого сердца, погасла, как свеча от порыва немилосердного ветра. Приехали родственники Лиланда, люди, которых девушка прежде не видела, и помогли оцепеневшей от горя Эвиан организовать похороны матери. А потом занялись устройством судьбы бедной родственницы.

— Твоей руки просит уважаемый и состоятельный человек, — осторожно сообщили ей через несколько дней.

Догадавшись, кто это, Эвиан бросилась к мадам Кристель.

— Прошу, возьмите меня на работу вместо мамы! Я умею шить и готова работать за самое скромное жалованье!

Мадам (после Эвиан узнала о том, что перед тем, как Фиона слегла, хозяйка выставила ее на улицу, потому что ей надоели перешептывания дам в мастерской) выпроводила ее со словами:

— Дитя мое, вы слишком молоды, чтобы жить одна. И я не готова отвечать за вас, у меня слишком много дел. Я слышала, у вас есть уважаемый и богатый поклонник. Почему бы вам не согласиться на его предложение?

В отчаянии Эвиан обратилась к шерифу, и тот сказал:

— Я сочувствую вам и вашим потерям. Однако я знаю, что мистер Иверс весьма благородно согласился принять участие в вашей судьбе.

Когда Эвиан вскричала «он убийца!», шериф рассудительно заявил:

— Большинству известных людей штата приписывают самые невероятные преступления. Почему-то многие считают, что любое богатство замешано на порочности. К сожалению, такова наша мораль. Поверьте, добродетельной бывает не только бедность. Мистер Иверс много сделал для нашей округи, это достойный уважения человек.

Эвиан не верила. Иверс был безжалостным хищником, он устроил все это, чтобы заставить ее сдаться. Мир был полон людей, но ни один из них не мог ей помочь. У нее никого не осталось, и она не знала средства вернуться назад, к радости, теплу и покою. В конце концов, родственники, которым, вероятно, немало заплатили, потеряли терпение. Они ясно дали понять, что если Эвиан откажется от брака с мистером Иверсом, то окажется там, где ее навесит в том числе и он. Предвидя, что девушка может попытаться бежать из города, родственники не спускали с нее глаз. Тем не менее, она попыталась уехать. Ее задержали. Посоветовавшись, обманом напоили снотворным, и Эвиан впала в состояние полнейшего безразличия. Во время поспешного венчания ее поддерживали с двух сторон, чего, казалось, никто не замечал, потому что подкуплены были все. По-настоящему Эвиан очнулась, лишь когда Джозеф Иверс привез ее в «Райскую страну». Именно тогда девушка окончательно поняла, что ей предстоит пережить.

[1] Строительство трансконтинентальной или Тихоокеанской железной дороги завершилось в 1869 г.

Глава одиннадцатая

Эвиан защищалась, дралась, но Иверс оказался гораздо сильнее. Она пыталась умолять, но он не желал слушать. Все исчезло. Были только его руки, разорвавшие ее одежду, его губы, осквернившие ее тело и еще что-то, заклеившее ее нутро раскаленным железом. Эвиан слышала, как иные женщины говорили: «Пусть он взял мое тело, но душу я не отдам». Теперь она бы могла сказать, что в первую очередь страдает именно душа. Джозеф Иверс при жизни вогнал ее в ад. Эвиан знала: дальше в ее жизни может случиться что угодно, но память об *этом* неискоренима. Получив свое, он ушел. А она дрожала в темноте, оплакивая то, что у нее отняли, — честь, свободу, будущее, и ощущая под ногами ледяную бездну. Потому что отныне она принадлежала *ему*.

Как-то раз Иверс позволил ей выйти к завтраку и оставил наедине со своей дочерью, очевидно, ожидая, что они познакомятся и подружатся. Но все получилось иначе. Эвиан моментально возненавидела Надин, потому что все, происходящее от Джозефа Иверса, было порождением дьявола. Эта деревенская корова преспокойно жила на кровавые деньги своего отца! С отвращением вспомнив о том, как она примеряла платье Надин, Эвиан наговорила девушке гадостей и с удовлетворением почувствовала ответную неприязнь.

Ее запирали в спальне и никуда не пускали, и со временем Эвиан поняла: чтобы добыть какое-нибудь оружие или сбежать, ей надо вести себя хитрее. Она перестала сопротивляться. Покорно лежала, пока Джозеф Иверс овладевал ею, и отстраненно молчала, когда он говорил, что она должна родить ему наследника. И он, наконец, стал выпускать ее из комнаты. Сперва Эвиан хотела украсть если не револьвер или нож, то хотя бы что-нибудь острое, чтобы ранить или даже убить мужа в темноте спальни, но Иверс предусмотрел это и пристально следил за ней. Тогда она решила сбежать. Сперва спокойно гуляла по ранчо, усыпляя бдительность окружающих, а однажды, заметив, что вокруг никого нет, перелезла через ограду и устремилась в лес.

Леса Вайоминга были гибельны, но это не пугало Эвиан. Она боялась человека, а не неизведанных троп или диких зверей. Да и едва ли с ней могло случиться что-то худшее, чем уже случилось. Эвиан понимала: никому не пришло в голову, что она может сбежать, не зная дороги, не имея подходящей одежды, не взяв с собой еды. Она шла, не задаваясь вопросом, куда идет, пока не набрела на ручей и не увидела... оленя. Огромный самец вышел из кустов легкой грациозной поступью. Остановился, чтобы напиться, а после стоял, глядя в пространство и словно о чем-то думая. Присев на корточки, чтобы не спугнуть животное, девушка любовалась им. Она завидовала оленю, его свободе, независимости и силе. Эвиан не боялась оленя, а вот неожиданно раздавшийся за спиной голос едва не лишил ее дыхания:

— Ты хочешь превратиться в олениху, стать его самкой?

Быстро оглянувшись, девушка увидела старуху со сморщенным, как чернослив, лицом и длинными прядями седых волос, выбивавшихся из-под пестрого платка. Ее мокасины из оленьей кожи, доходившие до половины икр, были расшиты цветными бусинками. Эвиан не знала, что ответить, но старуха, казалось, и не ждала этого. Подождав, пока потревоженное животное скроется в кустах, она продолжила:

— Только если ты станешь блуждать по лесу, прежде попадешь в лапы хищника. Кто знает, возможно, после твой дух и вселится в тело оленя?

— Мне все равно, — прошептала Эвиан.

— Потому что ты еще не смотрела в лицо смерти.

— Я видела кое-что похуже. Я уже в лапах зверя.

Старуха смерила девушку взглядом.

— Меня зовут Зана, я живу неподалеку. Идем.

Ни о чем не спрашивая, Эвиан пошла за ней. Впереди был пологий спуск, за которым начинался густой хвойный лес. Он казался однообразным и угрюмым. Высокие лиственницы и густые пихты закрывали небо, какие-то цепкие растения опутывали ноги. Старуха привела девушку к хижине, на крыше которой были укреплены большие олени рога, от времени покрытые мхом и лишайником. Кое-где к веткам ближайших деревьев были привязаны веревочки и выцветшие кусочки ткани. Рядом с хижиной тлел огонь, возле ее стены стояла винтовка. Хозяйка не пригласила Эвиан внутрь, а, присев на кусок бревна, достала из-за пояса трубку, взяла тонкий прутик, зажгла его от углей, прикурила, затянулась и выпустила белый дым с таким видом, словно собралась рассказывать долгую историю. При этом ее неподвижные темные глаза казались совершенно равнодушными.

— Меня выдали замуж, когда мне было тринадцать зим. Я вообще не понимала, что происходит. А потом моему мужу понравилось ружье одного белого, и он обменял меня на него. Тот обращался со мной, как с бессловесной скотиной. Прошло немало времени, прежде чем я догадалась, что надо бежать. Индеец будет преследовать добычу, пока не пристрелит, тогда как белый махнет рукой и уйдет. Но ты попала не к тому белому. Этот достанет тебя из-под земли. Тебе не повезло. Поэтому ты должна быть хитрее и не пытаться сбежать. Лучше просто ждать.

— Чего? — устало промолвила Эвиан. Она и сама не знала, откуда у нее взялась надежда на то, что старуха ей поможет.

— Мужчину. Ты встретишь его на оленьей тропе, как того самца. — Эвиан вздрогнула, и, заметив это, индианка добавила: — Он захочет тебя спасти. А сейчас возвращайся к Джо. Пока тебя не нашли и не приволокли силой.

— Вы его знаете?!

Эвиан отшатнулась от старухи, продолжавшей безмятежно дымить трубкой.

— Много зим назад, я уже жила здесь, ко мне принесли мужчину с дырой в голове. Обычно с такими ранами не выживают, но я его вылечила: это было угодно духам. Потом я сказала, что за ним долг. Тогда тут творились нехорошие вещи: пришли люди со своими коровами и овцами, начали вырубать лес, разрушать построенные бобрами плотины. Джо обладал достаточными силами, чтобы воспрепятствовать этому. Я сказала, что он прожил половину жизни в ином мире, а другую проживет тут. Если вернется обратно, то вскоре погибнет. Послушавшись меня, он сделался хозяином этих мест: разогнал незваных пришельцев, навел в округе порядок и никогда не нарушал установленных мной границ.

— Вам было все равно, что он за человек?

— Меня волновало, может ли он принести пользу моему лесу. Остальное не имело значения. Большинство людей думают лишь о себе, тогда как я забочусь только о *месте*.

Эвиан с тоской огляделась. В отличие от Заны, она ненавидела эти края.

— Неужели я никогда не вырвусь отсюда?

— Боюсь, ты останешься здесь навсегда.

Хуже этого ничего нельзя было придумать, и Эвиан воскликнула:

— Он что, никогда не умрет?!

— Кто, Джо? Конечно, умрет. Все люди смертны. Когда однажды он пришел ко мне с новой винтовкой, я сказала ему, что он держит в руках то самое оружие, из которого будет убит.

Эвиан затаила дыхание.

— И что он ответил?

— Он не поверил. Засмеялся и сказал: «Тогда, старуха, я подарю эту винтовку тебе».

К изумлению девушки, индианка показала на прислоненный к стене хижины винчестер. Эвиан вскочила на ноги.

— Отдай ее мне!

— Оставь, девушка, — строго сказала Зана, — такая ноша слишком тяжела для тебя. Лучше я дам тебе кое-что другое.

Индианка встала, сходила в хижину, вернулась с мешочком и протянула его Эвиан со словами:

— Здесь травы. Чтобы унять боль, чтобы спокойно спать и — чтобы не рожать детей, если ты этого не хочешь. Я расскажу, как ими пользоваться. Закончатся, приходи еще. Береги свои силы, не растрчивай понапрасну. Вижу, тобой владеет бесслезная печаль, а она — самая жестокая штука на свете. Обещаю, когда-нибудь ты вновь сможешь плакать. Именно тогда твоя судьба сделает желанный поворот.

Хотя это было не далеко лучшее утешение, Эвиан немного воспрянула духом.

— Я вам что-то должна? — с тревогой спросила она старуху, забирая мешочек.

Девушка подумала о том, что, наверное, могла бы стащить у Джозефа табак, но с деньгами, порохом и продуктами было сложнее.

— Я всегда беру у человека только то, что он может дать. Ты ничего мне не должна.

Едва ли Эвиан заставила бы себя добровольно вернуться на ранчо, но ей не дали времени об этом подумать. По дороге от хижины индианки она встретила взбешенного Иверса и его людей. И все-таки Эвиан удалось познакомиться с Заной, и с тех пор она ее навещала. Индианка научила девушку находить дорогу по зарубкам на деревьях. Хотя на словах Джозеф Иверс был против их встреч, на деле он, казалось, не знал, как этому помешать. Зана подсказала Эвиан выход, велел солгать, будто та приходит в хижину за средствами против бесплодия. И когда девушка скрепя сердце сделала это, обуреваемый жадой заиметь наследника Иверс, хотя и с опаской, но согласился ее отпускать. К тому же теперь она могла открыто заваривать данные индианкой травы. Девушка более не пыталась ни сопротивляться, ни убегать, из чего можно было сделать вывод, что встречи с Заной влияют на нее благотворно. Эвиан удивлялась, как старухе удается в одиночку выживать в лесу, пока та не показала ей ряды глиняных горшков с заготовленной на зиму олениной, а также шкуры, которые она собиралась обменять на продукты и необходимые вещи. Иверс мог бесплатно привозить индианке еду, но она желала оставаться независимой и отказывалась от помощи. После посещения лесной хижины и разговоров с Заной Эвиан всегда становилось легче, потому что они поддерживали в ней надежду на призрачное освобождение. Несмотря на это, девушка редко вспоминала слова индианки насчет таинственного спасителя, потому что меньше всего мечтала о мужчине, пусть даже это будет *другой* мужчина. Однако, в очередной раз встретив на оленьей тропе Кларенса Хейвуда, она не могла не думать о предсказании.

Глава двенадцатая

Несколько дней стояла полная луна, оранжевая, ясная и при этом удивительно холодная. Потом погода сразу изменилась: траву покрыла белая изморозь, ее стебли сперва стали твердыми и хрупкими, как стекло, а после — безжизненно-вялыми. От мрачных гор веяло ледяным дыханием, и по вечерам Арни и Кларенсу чудилось, будто они находятся на дне огромной черной бездны. В эти дни недолгая радость посещала их только тогда, когда Арни клал на землю охапку хвороста для костра, а Кларенс укреплял чайник на двух рогульках и палке. И пусть дым заставлял кашлять и вызывал слезы, тепло огня нельзя было сравнить ни с чем. Кружки обжигали руки, но глоток чая возвращал замерзшее тело к жизни.

— Завтра пойду проверять капканы, — заметил Кларенс, когда они отдыхали после очередного нелегкого дня.

Арни хотел сказать другу, что тот делает это чаще, чем нужно, но, разумеется, промолчал. Он понимал, что Кларенс жаждет встретить вовсе не зверя. И мог ли он возражать, если сам виделся с Надин Иверс раз, а то и два в неделю? Как и было условлено, они встречались на кладбище, и им всегда было о чем поговорить. Природа, погода, животные, воспоминания о детстве, повседневные заботы и маленькие радости. Они болтали о чем угодно, только не об Эвиан, но Кларенс, казалось, забыл о своей просьбе. Арни все больше и больше нравилась Надин, хотя он не питал никаких надежд относительно их общего будущего. С виду она была обыкновенной девушкой, и его привлекала именно эта незатейливость и простота. С ней он не боялся показаться косноязычным или неловким. Впереди была зима, а весной, как сказала Надин, отец выдаст ее замуж: все уже решено. Она обмолвилась об этом только однажды, во время их первой прогулки, но Арни догадывался, что она часто размышляет о своей судьбе, как и о том, нельзя ли ее изменить. Надин не жаловалась на отца, но юноша понимал, что ей приходится несладко. Сам он воспринимал жизнь, как нечто такое, с чем очень трудно бороться. Судьба — как течение реки, против которого невозможно плыть. Так ему внушали с детства, да и сама действительность не давала повода думать иначе. Но иногда, рассуждая подобным образом, Арни ощущал себя ничтожным и жалким.

Долгое время они с Кларенсом сидели молча, слушая ветер. Он дул с северо-запада и шумел в вершинах деревьев.

— Наверное, завтра выпадет снег, — наконец сказал Кларенс.

— Да, уже пора.

— А я так и не поговорил с Эвиан.

— Еще успеешь, — осторожно отозвался Арни, уловив в замечании друга скрытый смысл, а потом, внезапно решившись, произнес: — Я давно хотел спросить: у тебя были... отношения с женщинами?

— С женщинами? — повторил Кларенс так, будто не понял, о чем идет речь. Шевельнул веткой угли в костре, а потом ответил: — Если ты имеешь в виду, спал ли я с кем-то, то... да, правда, всего однажды.

Арни опешил.

— А почему ты мне не говорил?

— Отец велел молчать об этом. Может, чтобы мать узнала? Ведь женщинам не нравится, когда мужчины посещают такие места. Тебе я сперва хотел сказать, но после подумал: к чему хвастать? Обычное приключение. К тому же я знал, что у тебя-то никого не было.

— Расскажи, — попросил Арни, стараясь скрыть досаду и зависть.

— Отец сделал мне такой подарок на прошлое Рождество. Мы ездили в Шайенн за покупками, и он впервые позволил мне зайти в салун, а потом отвел в бордель. Я ни о чем не просил, он сам решил, что так надо. Женщину я не выбирал: просто одна из них взяла меня за руку

и повела за собой. Каюсь, мне было немного не по себе, но... Ничего не скажешь, приятная штука! С тех пор, когда наш священник на проповеди намекал, что это грех, мне всегда хотелось улыбнуться.

Арни с завистью подумал об отце Кларенса, который сначала подарил сыну ночь с женщиной, а потом отдал седло. Его собственный отец давно погиб, а от отчима можно было дожидаться только ругани и оплеух.

— Ты прав: я — еще никогда и ни с кем, — упавшим голосом произнес он.

— Это дело поправимое. Если дотянем до весны, и Уиллис заплатит нам деньги, ты будешь вправе потратить их так, как считаешь нужным.

Вспомнив о матери, братьях и сестрах, Арни неожиданно разозлился.

— Пойти в бордель и заказать шлюху?!

Кларенс пожал плечами.

— Хотя бы.

Арни подумал о том, какое скудное существование им приходится вести. Мало того, что они должны довольствоваться дешевой едой, скверным кофе, грубой одеждой, так еще и жалкой заменой любви! Пусть он еще не был близок с женщиной, пусть не обладал способностью глубоко познавать жизнь, все же он достаточно хорошо понимал, что переспать с проституткой в дешевом борделе над салуном — совсем не то, что обмениваться волнующими взглядами, нежными улыбками и сжимать руку любимой в своей.

— Почему для того, чтобы завоевать женщину, всегда нужны деньги? — с горькой иронией произнес Арни.

— Для того, чтобы *завоевать*, полагаю, надо что-то другое. Иначе мы с тобой никогда ничего не добьемся, верно? — с грустной улыбкой отозвался Кларенс.

В эту ночь их сон был беспокойным, а на утро, как они и предполагали, выпал снег. Зелень была похожа на изумруды, разбросанные посреди белого поля. Холодный ветер щипал кожу. Лошади фыркали, прижав уши к гривам, и нетерпеливо били копытами снег.

— Я проверю капканы. Сейчас хорошо видны все следы. Надеюсь, скоро вернусь, — произнес Кларенс тоном, не допускавшим возражений, и Арни только вздохнул.

Небо заволокла дымка, и солнце было похоже на тусклую серебряную тарелку. Кларенс ехал медленным шагом сквозь редкий хвойный лес, где деревца достигали высоты всего лишь пяти футов и издали напоминали нескошенные колосья. Заметив меж них тонкую фигурку, молодой человек не вспомнил о том, сколько раз за минувшие недели он выходил или выезжал из дома и возвращался ни с чем. Упорство было у него в крови, и он знал, что рано или поздно достигнет цели. В лесу царил тишина. Оленью тропу занесло снегом. Птицы улетели. Остался только ветер, но сейчас даже он стих. Кларенс быстро догнал девушку. Эвиан остановилась в растерянности, казалось, не зная, куда идти, и немудрено: за сутки лес неузнаваемо изменился.

— Не бойтесь! — задыхаясь от волнения, произнес Кларенс. — Вы меня не помните? Я работаю на мистера Уиллиса. Мы с вами как-то встретились здесь, в лесу.

Девушка вроде бы не собиралась убегать. Ее темные глаза ярко выделялись на белом лице, а алые губы чуть приоткрылись, словно в недоумении, или если бы она собиралась что-то сказать. Даже в простом шерстяном платке и суконной накидке она показалась Кларенсу такой красивой, что у него перехватило дыхание. Эвиан и впрямь смотрела на него во все глаза. Зана велела ей ждать. Таков удел всех женщин с древнейших времен: ждать своей судьбы в образе мужчины. А еще индианка говорила о зове, о том неведомом призыве, на который стоит откликнуться, если он будет достаточно властным. Олени ушли, зато появился человек. У него было открытое молодое лицо, вызывающая смелость во взоре, легкость, неукротимость и упругость в движениях. В нем ощущалась сила, но не такая, как у Джозефа Иверса. То была воля, которой хотелось покориться. И вместе с тем Эвиан чувствовала, что этот мужчина никогда ни к чему ее не принудит.

— Я вас узнала, — без малейшего страха ответила она. — Только я забыла ваше имя.

— Меня зовут Кларенс. А вы... я могу называть вас мисс Эвиан?

Она кивнула, и молодой человек спрыгнул с коня.

— Вас проводить?

— Не думаю, что сегодня я попаду к Зане. Тут все замело. Надеюсь, через несколько дней она проделает тропинку и выйдет ко мне сама. Она сказала, что, когда выпадет снег, привяжет к деревьям пестрые тряпочки — по ним я найду дорогу к ее хижине.

— Где она живет?

— Там! — Эвиан махнула рукой. — Или... там?

Она чуть заметно улыбнулась, и Кларенс догадался, что улыбка на ее прекрасном лице появляется так же редко, как солнце на зимнем небе.

— Я бы тоже хотел увидаться с Заной, — признался он.

Эвиан насторожилась.

— Зачем?

— Не знаю. Может, затем, чтобы узнать свою судьбу? Говорят, она способна предугадывать будущее.

— А если предсказание Заны окажется совсем не таким, какого вы ждете?

Кларенс невольно сжал кулаки и стиснул челюсти.

— Тогда я сделаю все, чтобы изменить то, что мне предназначено.

Эвиан ощутила, как от этих слов ее тело пробрала нервная дрожь. Быстро оглянувшись, она проговорила:

— Не надо, чтобы нас кто-нибудь увидел.

Взгляд Кларенса был глубоким и долгим, в нем пылал огонь безрассудства и столь внезапно вспыхнувшей любви.

— Я все знаю. Знаю, что Джозеф Иверс вам не отец!

— Полагаю, вы знаете далеко не все, иначе не стояли бы здесь и не разговаривали со мной.

— Вы думаете, я чего-то испугаюсь?

Чувствуя, как они, два незнакомых, случайно встретившихся человека, балансируют на грани опасной откровенности, Эвиан задала вполне естественный вопрос:

— Что вам нужно?

Кларенс мог бы ответить «вас!», но было слишком рано. Поэтому он ограничился тем, что сказал:

— Я хочу вам помочь.

— Вы мне ничем не поможете, — промолвила Эвиан, и он произнес то, что она подспудно желала услышать:

— Разве вы не надеетесь на это? На то, что вам кто-то поможет?

И тогда она ответила:

— Если бы я не надеялась, то давно бы умерла.

Кларенс в самом деле ничего не боялся и, не в пример Арни, не думал о том, что у него нет ни хорошего оружия, ни денег, ничего, кроме юношеской смелости и упрямства. И вместе с тем ощущал горечь, потому что пока не имел возможности защитить Эвиан и не придумал никакого плана.

— Скажите, когда вы придете сюда еще раз?

Девушка покачала головой.

— Не знаю. Самое раннее, через несколько дней.

— Я буду ждать каждый день на этом месте! — пылко воскликнул Кларенс, едва сдерживаясь, чтобы не взять ее за руки. — А сейчас я провожу вас до границы ранчо. Здесь надо быть осторожным: кое-где мы с другом поставили капканы.

— А если нас увидят?!

— И что такого? Я встретил вас в лесу и решил проводить домой, чтобы ничего не случилось. Вы пойдете пешком или сядете на мистера Уиллиса?

— Что?

— Так зовут коня! — со смехом пояснил Кларенс. — Мы с другом забыли спросить клички лошадей, поэтому нарекли одного из жеребцов мистером Уиллисом.

Эвиан вновь улыбнулась. В «Райской стране» ей редко приходилось слышать смех. Джозеф Иверс лишь усмехался, иронично или злобно, его дочь никогда не разжимала губ для того чтобы улыбнуться, — во всяком случае, в ее присутствии. Ковбои, случалось, смеялись, но только между собой.

Эвиан с Кларенсом пошли по полю. Перед ними простиралась целая страна, занесенная снегом и ограниченная горами. Сквозь разрывы в белых одеждах сосен поглядывала темная хвоя, а поля покрыла серебристая дымка. Кларенс знал, что с сегодняшнего дня должна начаться та тяжелая зимняя работа, ради которой они с Арни и поселились здесь. Но отныне для него самым главным было уже не это. Как правило, люди сближаются, говоря о простых вещах. Кларенс рассказал Эвиан, как они с другом нашли работу, что им приходится делать. Едва ли ей было интересно все это, однако она внимательно слушала. А после спросила:

— Ваш друг обедал в «Райской стране». Что привело его туда?

Заметив, как произнося название ранчо, Эвиан болезненно передернула плечами, Кларенс ответил:

— Он спас дочь Иверса, когда ее лошадь понесла, и тот пригласил Арни к себе. Это я попросил его пойти туда. Я надеялся хотя бы что-то узнать... о вас.

— Я сама могу рассказать вам то, что вы хотите знать, — сказала Эвиан, тем самым положив начало чему-то новому в их странном и во многом безрассудном знакомстве.

— Я хочу знать о вас все, — твердо ответил Кларенс, и она принялась говорить.

Ей, как и Надин, было никому довериться. Никогда еще она не ощущала себя столь одинокой в окружении людей. Конечно, Эвиан не была чересчур откровенна, и все же в эти минуты в ней проявилась та самая непокорность, какую Кларенс заметил с самого начала. Ее внешняя хрупкость не соответствовала тому, что таилось внутри. Эвиан не потеряла веру в то, что ей удастся вырваться из «Райской страны». А вера во все времена значила очень многое.

— Представляете, Зана сказала, что Иверса убьют из винтовки, которую он ей подарил! — не сдержавшись, призналась Эвиан.

— Вы верите ее словам?

Девушка с сомнением пожала плечами.

— Я выросла в городе и выслушала немало проповедей о том, что индейские легенды, предсказания и суеверия — это полная чепуха. Но иногда обстоятельства складываются так, что поверишь чему угодно.

Кларенс сжал кулаки.

— Чего бы я только не дал, чтобы заполучить эту винтовку!

Эвиан посмотрела ему в глаза.

— Нет. Вы не должны подвергать себя опасности ради меня. К тому же Зана сказала, что пусть даже сто человек возьмут это оружие, убьет только тот, кому суждено это сделать.

— Она не знает, кто это?

— Или не знает, или не говорит.

Эвиан не сказала, что он бессилен против Джозефа Иверса, что не стоит даже пытаться его одолеть, и это не только вдохновило Кларенса, но и направило его стремления в более разумное русло. Он понял, что не стоит спешить.

— Главное, чтобы мы смогли видеться. Я должен все обдумать.

Когда они простились, Кларенс вернулся в лес. Его заставила какая-то сила, которую можно было назвать предчувствием.

Глава тринадцатая

Кларенс не ошибся: на том месте, где он встретил Эвиан, стояла старуха. Она словно явилась из тех времен, когда на Великих равнинах у подножья Скалистых гор индейцы преследовали огромные стада бизонов. Она выглядела древней, но при этом не казалась немощной. Кларенсу приходилось общаться с индейцами, и он знал, что белый почти никогда не в состоянии определить их истинный возраст. Этой женщине могло быть как шестьдесят, так и сто лет. Остановив коня, он ждал, что скажет индианка, если она вообще собиралась заговаривать с ним.

— Значит, это ты. Олени ушли, зато пришел человек. — Ее слова прозвучали как простое утверждение, без налета иронии, горечи или каких-то других чувств.

— Да, я... — начал Кларенс, но она неожиданно резко перебила:

— Ты!

Потом вытянула руку, прищурила глаза и даже как будто понюхала воздух. Как ни странно, Кларенс догадался, что хотела сказать Зана, и ответил:

— Моя прабабка была сиу. Остальные предки, насколько мне известно, белые.

— Иногда чего-то малого бывает достаточно, — загадочно промолвила индианка.

— Я бы хотел прийти к тебе, — сказал Кларенс.

— Зачем, если ты все решил наперед?

— Может, ты посоветуешь...

— Я не даю советов. Решает судьба, решает человек, но не я, — перебила Зана и все же согласилась: — Приходи.

— У меня есть друг, — вспомнил Кларенс, и индианка тут же сказала:

— Ему это тоже нужно?

— Мы всегда были вместе.

Кивнув, Зана удалилась в лес, и Кларенс был готов поклясться, что она просто исчезла, растворилась в нем без следа.

После всего, что произошло в этот день, он не сумел заставить себя заняться работой и просто объезжал подернутую зимним туманом округу. В эти минуты красота мира казалась обнаженной, пронзительной, как его чувства. Где-то там грязно-серым потоком по белому полю текло стадо звенящих колокольчиками овец, подгоняемых громко лающими овчарками, из чьих красных, жарко дышащих пастей вырывался пар, и единственным человеком, выполнявшим непосильную работу за воистину смехотворную плату. Но мысли Кларенса были далеки от этого. Он думал об Эвиан, о ее тонкой фигурке, которую, казалось, вот-вот опрокинет ветер, о ее выбивавшихся из-под платка, смоляно-черных волосах, о ее зарождавшемся доверии и нерешительном смехе. Он так и не вспомнил о цепочке капканов, растянувшихся вдоль замерзшего ручья, а вернувшись на ранчо, встретил хмурого Арни, которому в одиночку пришлось пасти и загонять стадо.

— Куда больше ты был нужен сегодня здесь. Я страшно замерз и устал. За целый день у меня не было времени слезть с седла, — сказал он, не глядя на друга, когда они, наконец, сели есть.

Кларенс остро воспринял непривычный упрек.

— Когда ты ездил в Шайенн, я справился.

— Тогда было теплее, и потом я уезжал по делам. А ты всего лишь подкарауливал мисс Эвиан. Даже капканы не проверил!

— Что ты знаешь об этом, Арни? — с глубоким намеком спросил Кларенс.

— Я знаю только, — пристально глядя в огонь, промолвил тот, — что погода неизменно берет над нами верх. Что декабрьская луна почти всегда приносит снег, а январская — морозы.

Что нам придется ждать чинука, как манны небесной, и что бороться с судьбой так же нелепо, как идти против Бога. А еще что для таких, как мы с тобой, очень мало легких способов заработать на жизнь.

— Вот как? А что ты скажешь, если я отвечу, что сегодня встретился с Заной и она согласилась принять нас с тобой в своей хижине?

Когда Арни повернул к нему лицо, Кларенсу почудилось, будто в глазах друга мерцают осколки льда.

— Зачем тебе это?

— Хочу узнать свое будущее.

— Тебе это нужно?

— А тебе — нет?

— Мне проще, — резко произнес Арни, — я принимаю судьбу, как воздух, которым приходится дышать, и редко иду против течения реки или потока ветра.

— А я попытаюсь это сделать.

— Если то, что ты выбрал для себя, того стоит, тогда пытайся.

Кларенс долго молчал. Безусловно, между ним и Эвиан что-то произошло. Но это *что-то* было слишком хрупким, тонким и ненадежным, как первый, только что схваченный морозом лед, и он не мог об этом говорить. Наконец он спросил:

— А если бы у тебя была возможность выбора, ты выбрал бы, Арни?

— Я бы выбрал, — твердо ответил тот.

— Тогда мне не терпится увидеть, *каким* будет твой выбор.

Они отправились к Зане следующим вечером, так, чтобы успеть вернуться домой до темноты. Кларенс уверенно заявил, что найдет дорогу. Он ехал на мистере Уиллисе, а Арни — на другом коне. Остановившись на холме, друзья смотрели вниз, туда, где начиналась зубчатая стена сосен, смолистые ветви которых спускались до самой земли. Деревья росли так плотно, что казалось, невозможно пробраться между стволами, и Кларенс предложил:

— Привяжем лошадей?

— А если придут койоты?

— Да, ты прав.

— Пожалуй, Уиллису следовало оставить нам оружие получше, чем этот кольт, — заметил Арни, посмотрев на кобуру на поясе Кларенса.

— Конечно! Я бы купил винтовку, только она слишком дорого стоит.

Арни вздохнул. Покупка провизии и одежды почти полностью истощила оставленный хозяином кошелек, а впереди была зима. И Бог весть, что им могло понадобиться! На ранчо нашлось далеко не все необходимое, и он не предполагал, как достать деньги. Арни знал наперед, что Кларенс ни за что не согласится обратиться за помощью к хозяину соседнего ранчо, как это, возможно, делали их предшественники. Когда друзья, наконец, отыскивали хижину Заны, им пришлось долго ждать, потому что индианка разводила в яме костер для окуривания шкуры койота, и было ясно, что она не намерена оставлять важное дело ради нежданных пришельцев. Увидев дорогую винтовку, бережно прислоненную к стене хижины, Арни толкнул друга локтем. Откуда у нищей старухи такое оружие?! Зана не пустила их в хижину, и им оставалось только предполагать, что там внутри. Прежде она посмотрела на Арни и тут же сказала:

— Хочешь знать, где я взяла винтовку?

Потом повернулась к Кларенсу.

— А ты думаешь, как бы отнять ее у старухи? Что вам надо, ребята?

— Мы вовсе не собирались... — начал Арни, но Кларенс перебил:

— Мы желаем узнать, что нас ждет.

Индианка покачала головой.

— Мне кажется, вы знаете это и без меня — с тех пор, как устроились работать на ранчо. Вам предстоит пасти скот, следить за тем, чтобы он не пал и не забрел на чужое пастбище.

— Нам известны наши обязанности. Просто теперь мы не уверены в том, что это все, что нам нужно.

Арни с неудовольствием отметил, что Кларенс говорит и за него, и за себя, но по обыкновению промолчал. Ему почудилось, будто в улыбке индианки промелькнуло что-то зловещее, а ее лицо стало похожим на большой ком коричневатой-серой земли. Арни захотелось немедленно уйти. Он был уверен, что услышит нечто очень плохое, и его предчувствия оправдались.

— Я ждала вас, — сказала Зана. — Вы оба получите то, о чем видите сны. Но ваш путь будет трудным и долгим. Вы заплатите предательством и убийством.

Арни отшатнулся от нее, как от прокаженной, но Кларенс не сдвинулся с места.

— Ты так считаешь? Мне кажется, ни один из нас не способен на это.

— Я еще не встречала человека, который знал бы себя до конца, — сухо проговорила индианка.

Арни ни за что в жизни не стал бы благодарить старуху за такое предсказание, но Кларенс спросил:

— Мы можем что-то сделать для тебя?

— Да, — ответила Зана, — продать шкуры и купить нужные мне вещи. Часть вырученных денег вы сможете оставить себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.